

1937

საქართველოს აკადემიის საქართველო
ГРУЗИНСКИЙ ФИЛИАЛ АКАДЕМИИ НАУК СССР

ფნის, ისტორიისა და მაცურ. კულტურის ინსტიტუტა ავად. ნ. მარის სსს.
Ин-т языка, истории и матер. культуры им. акад. Н. Я. Марра

მ ა ს ა ლ ე ბ ი

საქართველოს და კავკასიის ისტორიისათვის

МАТЕРИАЛЫ

ПО ИСТОРИИ ГРУЗИИ И КАВКАЗА

ნაკვეთი VII ВЫПУСК

ტფილისი
1937

დაიბეჭდა სსრკ მეცნიერებათა აკადემიის
საქართველოს ფილიალის განკარგულებით

Напечатано по распоряжению Грузинского Филиала АН СССР

რედ. ხ. ჯანაშია

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
1. С. В. Тер-Аветисян. Заметка о Воскепаре и Киранце	505
2. Л. М. Меликсет-Беков. К скифской проблеме, в связи с вопросом о Саках, Каспах и Берах	519
3. К. Д. Дондуа. К вопросу об особой форме множественного числа в сванских терминах родства	549
4. Проф. Ю. Н. Марр. По поводу выставки копий фресок Али-Капу .	561
5. И. П. Петрушевский. Бешкеннды-Пиштегиниды, грузинские мелики Ахара в XII—нач. XIII вв.	585

С. В. ТЕР-АВETИСЯН

ЗАМЕТКА О ВОСКЕПАРЕ И КИРАНЦЕ *

(С 5 табл.).

* Оба памятника в предварительном порядке были обследованы во время поездки осенью 1926 года (с 20 по 25.XI) в тогдашний Делижанский уезд ССР Армении. О собранных тогда материалах, легших в основу настоящих „заметок“ было сделано в КИАИ отчетное сообщение (7.XII см. бюлл. КИАИ № 1—3, Тифлис, 1928 г., стр. 10 и 18). Вследствие замедлившегося выхода V т. Изв. КИАИ, я имел возможность внести в ранее выполненный текст более подробные данные о Воскепарском тетраконхе, собранные мною осенью 1928 г., во время экспедиции КИАИ в северные районы ССР Армении (см. бюлл. КИАИ № 5, Ленинград, 1929 г., стр. 28—29 и Отчет АН за 1928 г. II, Ленинград, 1929 г., стр. 298—299), что и было доложено собранию ученых членов Института 24.X того же года (см. бюлл. КИАИ № 6, Ленинград, 1930 г., стр. 13).

Внимание мое к обоим памятникам, которым посвящена настоящая заметка, было привлечено рассказами местных жителей этого района, слышанными мною во время посещения сел. Бараны при собирании материала по топонимике; дальнейшие разыскания в литературе показали, что о них имелись в печати лишь беглые уломинания. Для ознакомления с памятниками мною была совершена осенью 1926 г. предварительная поездка, позволившая установить их значение для истории материальной культуры средневековья Юго-Кавказа.

Бассейн реки Воскепара (приток р. Акстафы) — местность, в которой находятся Воскепар и Киранц, — представляя из себя пересеченную возвышенностями и лесистую территорию, является одной из труднодоступных, а потому и мало исследованных областей Малого Кавказа. Воскепар, имеющий с правой стороны приток — речку Кунен — берет начало в высоких горах Чатынтага и течет в своих верховьях по необитаемому ныне пространству, служащему для населения края лишь летними пастбищами и зимовниками¹. Однако, подобные природные условия края позволяли местному населению, в смутные времена войн и нашествий средневековья, искать убежища в этих защищенных горных ущельях, что имело место, например, в период сельджуков и, особенно, во время походов монголов в 20—30-ых гг. XIII в. (Киракос Гандзакецы). Этим отчасти объясняется то, что большинство памятников данной, а равно и смежных горных областей, относится главным образом к XII и XIII вв., частично — к более позднему времени. Исключение составляют

¹ А. Ерицов, Экономический быт госуд. крестьян Казахского уезда. Тифлис, 1886, стр. 17.

лишь некоторые более древние памятники. К числу этих последних должен быть причислен старинный Воскепарский тетраконх, лежащий на границе собственно горного района и начала прилегающей равнины, богатой древними архитектурными памятниками. Что же касается верхнего течения Кунена, то тут лучшими памятниками надо считать Киранц и городище „Аракелоц“¹.

Воскепар (*Ուկեպար*). Прекрасно сохранившийся здесь тетраконх (общий вид с сев.-зап. см. таблицу 1) находится

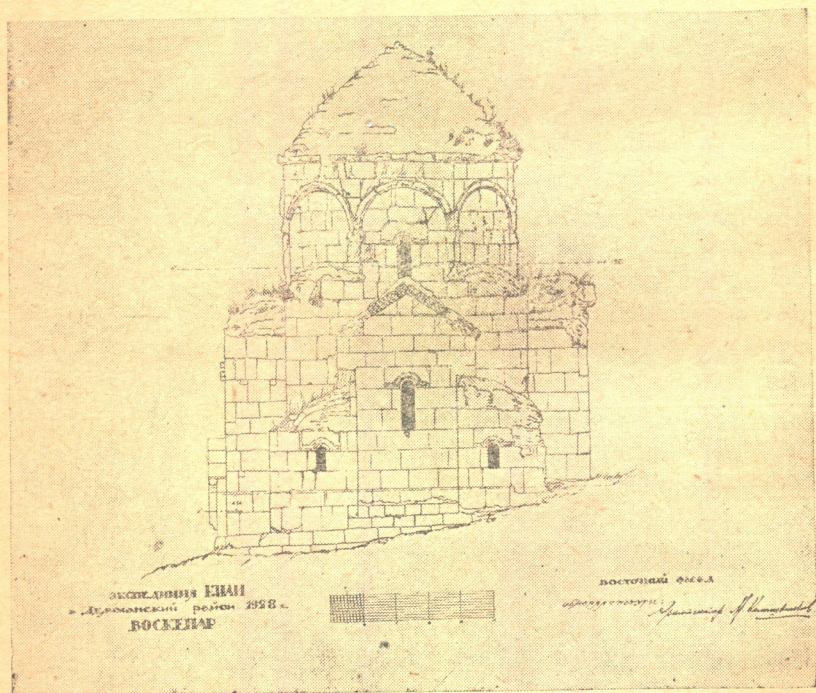

Табл. 1.

в 200 шагах от тюркского селения Аксибара, входящего в состав Азербайджанской ССР, древнее же культовое здание, стоящее близ деревни, находится на территории ССР Армении. До советизации оно служило приходской церковью со-

¹ Ук. бюлл. КИАИ, № 5, стр. 29.

седнему армянскому селению Аксибара или Воскепару, каковое до 80-х годов прошлого столетия находилось у этого самого храма. Затем, около 50 лет тому назад, селение, как передают старики, перешло на противоположный высокий берег речки Воскепара, более благоприятный в климатическом отношении, и устроилось на склоне лесистой горы, на $\frac{1}{4}$ км выше речного берега. Церковь по прежнему продолжала быть приходской вплоть до советизации Армении; в настоящее время она пустует.

Насколько мне известно, в предшествовавшей литературе об этом памятнике есть лишь упоминание у М. Бархударяна, сообщающего, что „на север от нового Воскепара на противоположной стороне, на левом берегу речки, имеются развалины села, кладбище и церковь“¹.

Воскепарское центральнокупольное крестообразное сооружение принадлежит к числу так называемых тетраконов или 4-х апсидных храмов. Размер его: 9,46 м с юга на север и 9,59 м с востока на запад. Высота купола 14,65 м. Выстроено это здание из довольно крупных тесанных плит преимущественно красного цвета разных оттенков; местами встречаются камни светло сероватые и буроватые. Две весьма схожие двери открываются — одна на запад, а другая — на юг. В апсидах, кроме северной, имеется по одному окну. Барабан восьмигранный с 4-мя окнами. Судя по форме забутовки, купол перекрыт был восьмигранной же кровлей. По сторонам восточной апсиды устроены жертвенник и диаконник, имеющие по одному окну в восточных своих стенах. Эти последние примерно на 400 м выступают к востоку от наружной стены алтарной апсиды, вследствие чего снаружи образуется как бы вдавленная средняя доля фасада, имеющая свой особый цоколь из двух ступеней, помимо нижележащих трех ступеней общего цоколя. Карнизы большей частью обвалились. По наличным фрагментам видно, что они имели различную резьбу. Красивая резьба сохранилась на наличнике окна восточного апсида. В люнетах порталов имеются рельефы, изображающие расцветшие кресты.

¹ М. Бархударян, *Արցախ*, Баку, 1895, стр. 382.

Следов надписей нигде не обнаружено. Тетраконх теперь никакого покрытия не имеет, но так как вокруг него валяются обломки как плит каменной черепицы, так и черепицы обожженной, то можно допустить, что купол некогда был покрыт обыкновенной черепицей, а скаты апсид и восточных камер—каменными плитами. Так как в настоящее время все здание стоит без всякого покрытия (осталась только забутовка), то приведенное выше соображение о существовании ранее разнотипности кровель купола и остальных участков крыши приводится здесь не как установленный факт, а лишь как возможное предположение. В куполе образовались уже значительные сквозные, размытые дождями и тающим снегом, щели, угрожающие целости центрального перекрытия здания. Эта опасность усугубляется еще выпадением замкового камня купола.

Вышеописанный памятник, как произведение архитектурного мастерства, представляет значительный интерес и со стороны высоты технического исполнения и со стороны строгой выдержанности стиля, сохранившего формы раннего периода местного зодчества, еще связанного с традициями „классики“ эллинистического христианского Востока. И по конструкции и по формам Воскепарский тетраконх является близким родственником храмов Рипсима в Армении¹ и Джварис-Сагдари в Грузии².

Вокруг церкви находится полузаброшенное кладбище с разновременными погребениями, среди которых обращает на себя внимание двускатное надгробие с цоколем,— характерное для той эпохи, к которой нужно отнести и постройку тетраконха (VII—X вв.). Этот надмогильный камень лежит метрах в трех от юго-восточного угла здания. Безымянное

¹ Л. Егиазаров и Р. Мартиросян. Памятники древнеармянской архитектуры, изд. под ред. Гер. Д. Гримма, СПб. (без года изд.), вып. VI и VII табл. Д. П. Гордеев, уточняя типизацию памятника, относит Воскепарский тетраконх к кругу культовых построек типа Мастаты и Артика, родственного типу Рипсима (ук. бюлл. КИАИ № 5, стр. 28, и ук. бюлл. КИАИ № 6, стр. 5).

² გ. ჩუბინიშვილი. რამდენიმე თავი ქართული ხელოვნების ისტორიიდან. ტფილისი. 1929 გ., სტ. 121 და სლ. და რის. 25 და სლ. სრ. С. Н. Какабадзе და ук. бюлл. КИАИ № 1—3, სტ. 8 და და სლ. КИАИ V სტ. 61—70.

погребение это до сих пор, как передают, служит местом поклонения.

Киранц (*Կիրանց*)¹ находится на левом берегу речки Кунен примерно в 400 шагах от ее русла, на большой поляне. В настоящее время это монастырище со всех сторон окружено большими лесами и совершенно оторвано от близлежащих населенных пунктов—армянского Воскепара и селения Кунен. Наиболее удобный путь в Киранц лежит через сел. Кунен, откуда надо идти берегом р. Кунен вверх по течению около 17 км на юго-запад. До 1928 г. поляна Киранца с постройками сдавалась в аренду под зимовник крестьянам сел. Котикенд и Воскепар, и потому все уцелевшие здесь окружения служили до этого времени загонном для скота. В последние годы памятник взят на учет и под присмотр Комитетом охраны древностей ССР Армении.

Монастырище Киранц состоит из ряда построек, из коих главное место занимает большое купольное культовое сооружение, к которому, с юга и запада, пристроены притворы, примыкающие к входным дверям (общий вид с юго-запада см. табл. 2). С юга и севера имеется по одному небольшому одноэтажному приделу (повидимому—усыпальница), некогда перекрытых коробовыми сводами. Вокруг культового здания, преимущественно с юго-восточной стороны, имеется старинное кладбище. В 12—15 м от западного притвора расположено, вытянутое с востока на запад, здание трапезной: к этой последней с запада примыкают полуразвалившиеся ныне какие-то хозяйственные постройки. Весь монастырь был окружен каменной стеной, ныне почти повсюду разрушенной; сохранились, главным образом, лишь

¹ В печати, насколько мне известно, первое сведение о Киранце имеется у Асан-Джалаляна. (*Ճանապարհորդությունք և Մեծի Հայրենիքի* ч. I. Тифлис, 1842, стр. 155), а позднее у М. Бархударяна, посетившего памятник и давшего его краткое описание (ук. соч. стр. 379—380). По имеющимся у меня сведениям, Киранц вошел и в фотографический альбом, составленный фотографом Папазяном в последней четверти XIX в. Кроме описываемого монастырища, под тем же наименованием Киранц, известны в Ганджинском районе село и развалины (ук. соч. стр. 287).

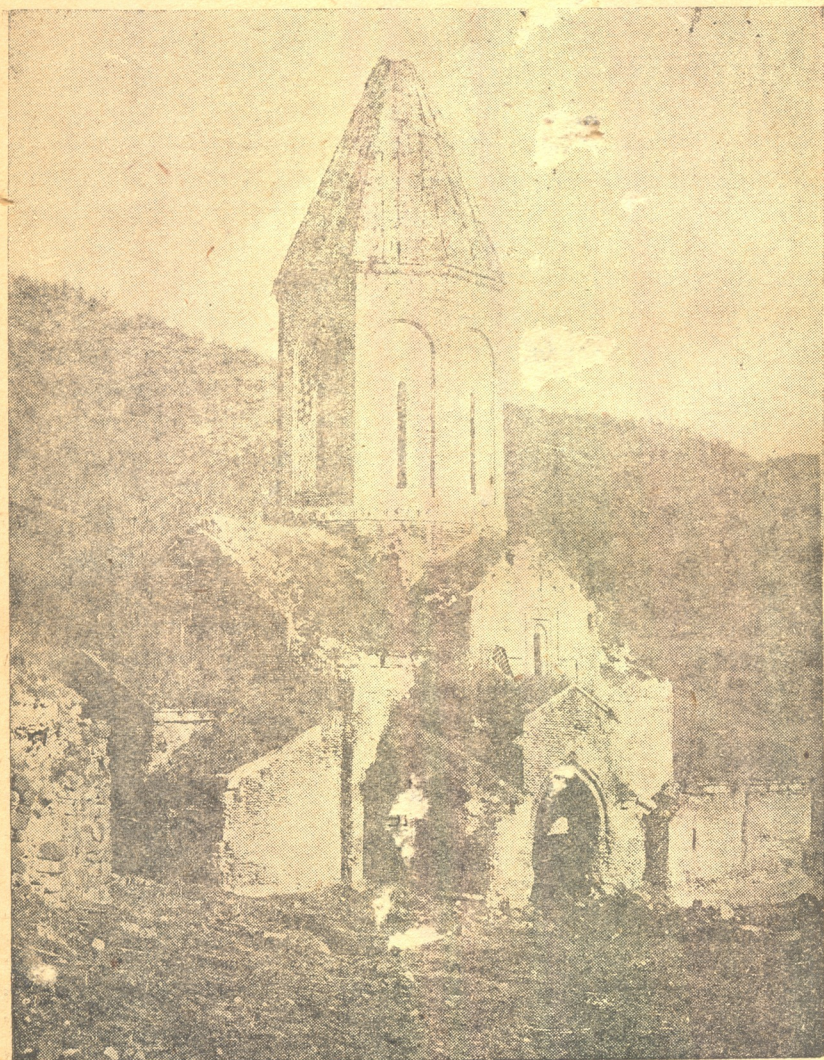

Табл. 2.

фундаменты и ворота, расположенные на юго-запад от храма.

Типологически по конструкции большое купольное культовое здание Киранца представляет из себя переход от центральнокупольного к базиличному трехнефному типу с поперечным трансептом и с четырьмя столбами, поддерживающими подпружные арки (характерно для чих весьма тонкое сечение и кладка так называемой ломанной аркой или „персидской стрелкой“, каковые в свою очередь сферическими парусами поддерживают подкупольное кольцо, на котором возведен высокий барабан, внутри круглый, а снаружи восьмигранный. Над ним возвышается восьмигранное же пирамидальное покрытие (см. табл. 3 и 4). Северный и южный нефы, преуменьшенные узкие, упираются с восточной стороны в жертвенник и диаконник, из каковых устроен ход через потолок в чердачное помещение. Размеры всего здания внутри: 16,37×10,54 м и до 20 м высотой. Цоколя, карнизы и наличники дверей выложены из чистых тесаных плит камня твердой породы темно-серого цвета. Остальная кладка стен сделана, главным образом, из кирпича квадратной формы, размером 30×30 см и толщиной в 6 см. Надо заметить, что кирпич, как строительный материал во всем этом районе, почти не встречается в старинных архитектурных памятниках. В этом отношении Киранц составляет редкое исключение. Можно предположить, что этот архитектурный прием — построить большое культовое здание из кирпича, не в пример местным строительным традициям — вызван тенденциями того стиля, одиноким представителем которого является в этом районе Киранц, а именно — здесь мы имеем скрещение строительных приемов и типов местного кавказского „христианского“ зодчества „мусульманским“. Особенно ярким элементом этого последнего является применение, по типу персидских памятников XII — XIII столетий, цветной мозаичной изразчатой декорировки из небольших разноцветных поливных плиток (преимущественно восьмигранной и продолговатой формы; господствуют бирюзовая и красная расцветка), каковыми украшены все околооконные поля барабана (см. табл. 3). Наличная

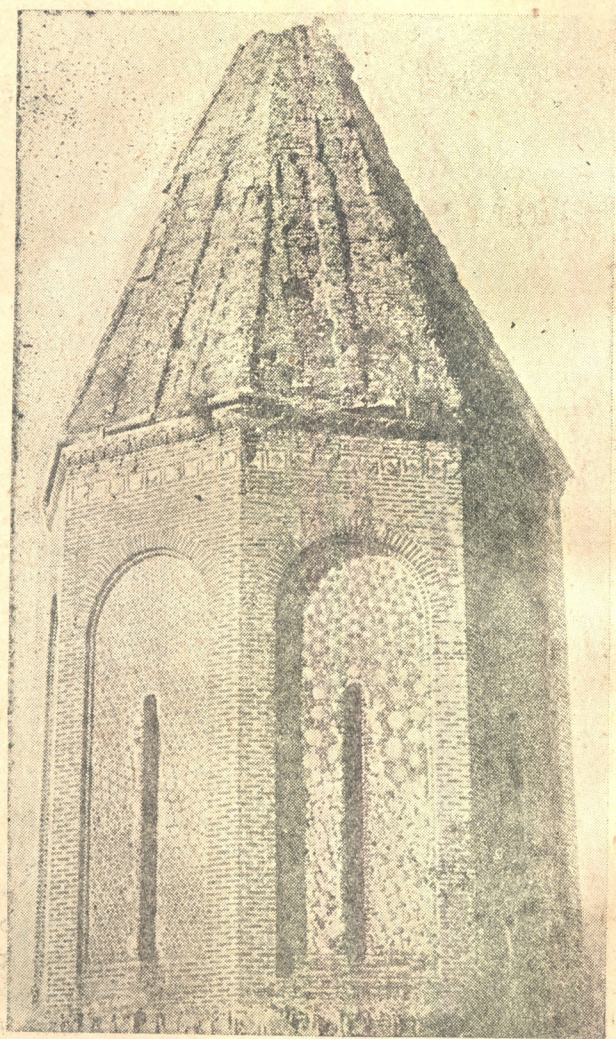

Табл. 3

Табл. 4.

здесь изразчатая декорровка применена более пышно, то зарегистрировано до настоящего времени где-либо в другом месте на территории царства грузинских Багратидов в XII—XIII вв. н. э. (ср., напр., поливные украшения в Тимотис убан-и близ Цагвер-и)¹. Кровля была крыта большими каменными плитами (в настоящее время они уже давно в большинстве обобраны). А для облегчения нагрузки сводов вложены поверх них под покрытием кувшины, како-

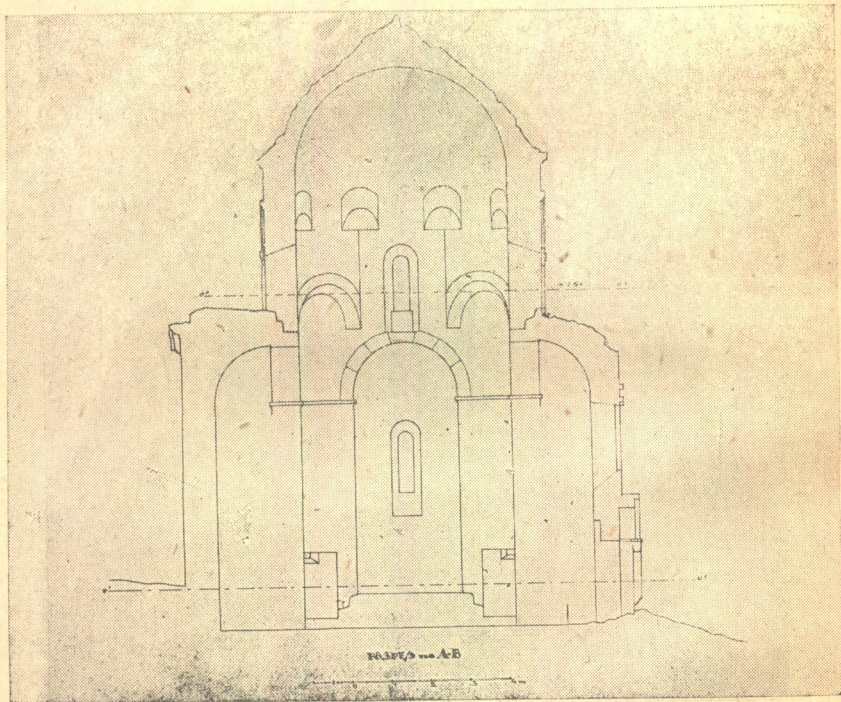

Табл. 5.

вые встречаются в куполе. В одном из этих кувшинов на куполе, приблизительно лет 25 тому назад (как то передают окрестные жители), были обнаружены пчелы с большим за-

Димитрий Гордеев. Краткий отчет о командировках в Кахию и Горийский уезд летом 1917 г. Изв. КОМАО, вып. V, Тифлис, 1919, стр. 27.

пасом меда. Крестьяне сёл. Кохб, с целью его извлечения, не постеснялись испортить части изразцовых украшений: вбив колья в наружные стены барабана, они поднялись по такой импровизированной лестнице до купольного шатра и достали мед, сделав в перекрытии отверстие, послужившее причиной гибели значительной части купольных фресок под воздействием проникавшей сюда талой и дождевой воды.

Все здание внутри было оштукатурено гажево-алебастровой штукатуркой, на которой внутри имелась роспись, сохранившаяся, главным образом, в апсиде и в куполе. В других местах роспись очень сильно пострадала от течи в сводах. Надписи на фресках (сопроводительные, поименовывающие персонажи и композиции, а равно на свидках изображенных фигур) исполнены грузинским уставным письмом хуцури (асамтавурули)¹.

Весь ансамбль Киранца задуман с большим размахом и роскошью, бросающейся в глаза особенно в большем купольном культовом сооружении, поражающем как совершенством технического исполнения, так и богатством разнообразного декора — изразчатого на барабане купола и резного по камню — на обрамлениях входов и на карнизах. Эта роскошь и высота техники говорят за то, что памятник мог возникнуть только в эпоху расцвета экономической и политической жизни страны, что имело здесь место лишь в XII и в начале XIII вв. — в период, предшествовавший нашествию монголов. Это период, когда район Киранца, вместе со смежными землями, входил в состав средневекового царства грузинских Багратитов времени наивысшего расцвета их державы. Наличие же в культовом здании росписи с надписями на грузинском языке (учитывая местонахождение памятника в землях с коренным армянским населением и, притом, далеко отстоящих от земель с грузинским населением) позволяет, по всем данным, допустить связь этого оригинального памятника с распространением в данный период халкедонитства в армянской среде.

¹ Надписи эти один из путешественников (ук. соч. Бархударяна, стр. 380) принимает по ошибке за армянские. Кроме этих фресковых надписей, других эпиграфических памятников в Киранце пока не обнаружено.

К СКИФСКОЙ ПРОБЛЕМЕ, В СВЯЗИ С ВОПРОСОМ О САКАХ, КАСПАХ И БЕРАХ¹

¹ Доклад, читанный в Научно-Исследовательском Институте Кавказоведения Академии Наук СССР 8 июня 1932 года. Работа, сложившаяся в общем еще в 1931 году, в настоящий момент в известной степени является устарелой по своей установке. Тем не менее, автор решается ее опубликовать, имея в виду, что представленный в ней материал по топонимике и палеонтологический анализ этого материала могут оказаться не лишними самостоятельного интереса даже вне „скифской проблемы“.

საქართველოს ენციკლოპედია (საქართველოს ენციკლოპედია) აღმასრულებელი რედაქტორი: დ. ბერიძე

საქართველოს ენციკლოპედია (საქართველოს ენციკლოპედია) აღმასრულებელი რედაქტორი: დ. ბერიძე

Цель настоящего сообщения — вызвать среди историков материальной культуры, специалистов по раскопкам, интерес к так называемым Шиомгвимским пещерам, расположенным в отвесных скалах над Шиомгвимским монастырем, в связи со скифской проблемой, напрашивающейся в результате яфетидологического анализа одного места начальной части древнегрузинской хроники „Обращение Картли“ (ქართლის მოქცევა или მოქცევა ქართლისა).

Вопрос, выдвигаемый мною, не может не быть признан актуальным хотя бы потому, что он намечается в разрезе одного из основных положений яфетической теории, которое (положение) мыслит происхождение народностей не иначе, как только через племенные объединения, последних — из родовых групп, этих самых — из тотемическо-производственных коллективов и т. д., и т. д. И если анализ данных русской истории, вообще, и топонимики Восточной Европы, в частности, привел яфетидологию к установлению положения о том, что „на определенной грани, при восхождении в далекое прошлое Восточной Европы и ее насельников, «русское», «восточнославянское», «славянское» — исчезает вовсе, и, следовательно, „при движении вперед, т. е. в предстоящем будущем, «русское», «восточнославянское», «славянское», как исторические категории, тоже должны исчезнуть“, то в таком случае спрашивается: с признанием единой социологической схемы исторического процесса различных обществ мира не следует ли, что нечто аналогичное имело место и по отношению „коренных“ насельни-

ков Западного Юго-Кавказа (Закавказья), ставших, с известной порой, на путь претворения в феодально-классовые организации *картов (картвелов) или грузин*¹.

Однако, кто бы ни был автором древнегрузинской хроники „Обращение Картлии“ и к какому бы веку он не принадлежал, т. е. к IV, V, VII, IX или еще иному, одно безусловно ясно: он, хроникер, мыслит Картлию той эпохи, когда этой Картлии или Грузии, как „обширной страны [, именно всей той], — по выражению Георгия Мерчула, автора «Жития» Григория Хандзтийского, — в которой церковную службу совершают и все молитвы творят на грузинском языке“², еще не было. Я бы сказал больше: той эпохи, когда понятий „грузинское“, „картское“ (картвельское) еще не было, а сам он, как представитель господствующего слоя соответствующей племенной, скажем, картской, организации, мыслил свою родину — Картлию в процессе ее собирания (ნელაღრვ შერგბა ქართლი)³, когда живы были представления если не о всех, то, во всяком случае, о некоторых племенных слоях картов.

Я, конечно, вполне согласен с Н. Я. Марром, когда он, установив тожество колха, златохранителя, со сколотом-скифом и его разновидностью *guþ* ←→ *got* и двойником *go-g*, resp. *gu-g*, сохранившимся, между прочим, и в названиях арм. *Gu* + *+g*-*ar*+*q* и греч. *Go*+*+g*-*ar*+*en*-*e*, этих именно гугаров или гогаров, т. е. гугов или гогов, признает за основную этническую среду „выработки грузинской социальной формации“, „древнейший этап в этом исторически важнейшем для Кавказа процессе, породившем картов (по-мегрельски *qoḡu*) или картвелов с их древнейшим так называемым национальным героем *Gorg'om*

¹ О скифах в Грузии в старом освещении см. М. Джанашивили. სკვითიანი მყოფი საქართველოში ყოფილა (ქართული მწერლობა, II, Тфл. 1909, стр. 102 — 108).

² Н. Я. Марр, Житие св. Григория Хандзтийского [Тексты и Разыскания по армяно-грузинской филологии, VII], Спб. 1911, текст жития, гл. XLIII (стр. მთ = 123), ср. XXX.

³ Е. С. Тагайшвили, Описание рукописей Общества распространения грамотности среди грузинского населения, т. II, Тфл. 1906—1912, стр. 724.

или Gurg'om, переработанным иранированной общественностью в персидский Gorgasar 'Волколев' "1.

Но в данном случае я имею в виду указать на те *только* племенные объединения, которые, будучи сосредоточены в смежных один за другим районах по главной торговой магистрали, соединявшей Восточную Грузию, да и вообще восточный Юго-Кавказ с западным Юго-Кавказом, по среднему течению р. Курь, могли играть и на самом деле играли не маловажную роль в деле создания так называемой картской (картвельской) или грузинской народности.

Как в свое время отметили сначала К. С. Кекелидзе (1923)², а затем и Саргис Какабадзе (1924)³, начальная часть хроники „Обращение Картлии“, заключающая в себе легенду или повествование об Александре Македонском, основана на так называемой греческой „Александрии“ Псевдо-Калисфена. Зависимость от Псевдо-Калисфена, между прочим, проявляется у русских хронографов, повествующих о том, как Александр, будучи на Востоке, заметил нечестивые племена — потомков Яфета, которые ели всякую плоть и всё нечестивое, вроде комаров, мух, кошек, мышей, волков, отбросы женской утробы, мертвецов, которых с этой целью даже и не хоронили⁴. Автор же грузинской хроники говорит: „Александр удивлялся тому, как потомки иевусов (იებოსელთა ნათესავნი) ели всякую плоть, не было у них могил, мертвых пожирали“⁵.

По справедливому замечанию К. С. Кекелидзе, автор „Обращения Картлии“ должен был иметь в руках грузинскую версию Псевдо-Калисфеновской Александрии именно во второй, пространной, редакции, где как-раз налицо не только „эпизод о незаконных и нечестивых племенах“, но и упоми-

¹ Н. Я. Марр, Готское слово guma «муж». К увязке готов с яфетическими народами Кавказа, — „Известия Академии Наук по ОГН“, 1930, стр. 457 (№ 6).

² კორნელი კეკელიძე, ლეონტი მროველის ლიტერატურული წყარობი, — „ტფილისის უნივერსიტეტის მოამბე“, III, 1923, გვ. 23 — 27; ср. его же, ქართული ლიტერატურის ისტორია, I ტ., ტფილისი 1923, გვ. 248.

³ სარგის კაკაბაძე, საისტორიო ძიებანი, ტფ. 1924, გვ. 67 — 85.

⁴ Ср. Carolus Müller, Pseudo-Callisthenes, Parisiis 1877, p. 142.

⁵ Е. Такайшвили, ц. с., II, 708.

вание иверийцев¹ — наряду, прибавлю от себя, с мидянами и армянами — как жителей прилегавших к „Каспийским вратам“ районов (καὶ Μηδῶν καὶ Ἀρμενίων καὶ Ἰβηρίων καὶ πάντων τῆν Περσικῆν Χώραν)². Кстати, из Псевдо-Александрии, повидимому, взято и упоминание „турок“ — наряду с армянами (Τούρκων καὶ Ἀρμενίων) и Магогом (Μάγογ)³, из коих последний, под видом Магот’а, фигурирует также вместе с Гогом (Γώθ, Μαγώθ) и аланами (Ἄλανες)⁴. По армянской же версии Александрии, эпизод бегства Дария Гистаспа к „Каспийским вратам“ снабжен комментарием: к Каспийским вратам, что „близ страны Талыш в области Гилян“ (fr. *Կասբիական դրոշմ մերձ յաշխարհն Թալիշի ի գավառն Գիլանայ*), как в свое время отметил Я. Дашян⁵.

Но автор „Обращения Картлии“ отнюдь не зависит от Псевдо-Калисфена, когда он в пассаже об Александре Македонском выкладывает некоторые данные об исторической географии Картлии соответствующей эпохи, именно той эпохи, когда понятий грузинского или „картвельского“ народа вообще не было, а сама Картлия населена была в основном, повидимому, тремя-четырьмя племенными об’единениями, которые фигурировали в то время под именем саков, каспов и беров.

Если бесспорно то положение, что „Обращение Картлии“ вообще насыщено гречизмами, что в свое время дало Саргису Какабадзе основание приписать его такому автору, которому вообще „легко давалось греческое мышление, а еще больше греческое письмо“ (კარგათ ეხერხებოდა ბერძნულად აზროვნება და ამიტომ ბერძნულად წერაც... უფრო ემარჯვებოდა)⁶, в связи с чем не исключается даже возможность, чтобы сама хроника первоначально, за неимением до V века вполне оформившегося и законченного феодально-церковного письма, написана была на греческом языке, притом, само собой понятно, автором до V в., —

¹ კორნელი კეკელიძე, ლეონტი მროველის ლიტერატურული წყაროები, გვ. 26—27. იხილეთაქვე მროველი — დიდიანი ხანობის ელითაქვე.

² C. Müller, op. cit., 82.

³ Ibid., 143.

⁴ Ibid., 139.

⁵ შაკიძე რაქ. შაჯხან, ისტორიის მონაწილეები. შოთა ყაჩიყაძის ხსენაქ ქართუ. სტუდენტური კრებული [«სტუდენტური შაქხანა» 5], ქუჩენა 1892. ს. 187.

⁶ სარგის კაკაბაძე, op. cit., 85.

то спрашивается: где нам отыскать ключ для устранения несуразностей, которыми как-раз и отличается та самая начальная часть интересующей нас хроники „Обращение Картлии“?

Вот почему мне кажется, что если установление правильного чтения интересующего нас текста способствовало бы делу восстановления подлинного смысла начальной части памятника именно в соответствии с мышлением самого автора, то одновременно мы получили бы прочную базу для тех или иных умозаключений и в интересах яфетической теории, поскольку мы там имеем фиксацию картины расселения саков, каспов и беров с довольно почтенной даже для V, примерно, века давностью.

И, представьте себе, вопрос касается такого памятника древнегрузинской историографии, которому особенно повезло в смысле издания и переизданий.

Занимающий нас памятник впервые был опубликован в 1890 г., по единственному тогда так называемому Шатбердскому варианту, Е. С. Такайшвили в работе სამი ისტორიული წიგნბოჯი, стр. 1 и сл. Независимо же от Е. С. Такайшвили, тот же памятник более удачно был переиздан Ф. Д. Жордания в появившемся в 1892 г. т. I его „Хроник“ (ქრონიკები), стр. 11 и сл., причем сам Такайшвили вскоре, именно в 1900 г., дал и русский перевод памятника, согласно установленному Жордания чтению, в вып. 28 „Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа“. В 1906—1912 гг. памятник вновь был переиздан тем же Е. С. Такайшвили в окончательно установленном виде параллельно по двум вариантам: Шатбердскому и вновь обнаруженному Челишскому. В 1918 г. тот же памятник в небольшой начальной части был внесен в изданную И. Кипшидзе „Грузинскую древнелитературную хрестоматию“, стр. 22 и сл. И, наконец, в 1931 г. внесен в „La langue géorgienne“ par N. Marr et M. Brière, Paris, p. 569 etc.

Итак, если иметь в виду интересующую нас начальную часть памятника, то она в подлиннике предлежит, по крайней мере, в 5-ти изданиях.

Теперь посмотрим, что в ней на самом деле сказано про саков, каспов и беров.

„Когда царь Александр [Македонский] обратил в бегство потомков сыновей Лота и оттеснил их в полуночную страну, он

нашел сперва свирепые племена бунтурков, живших по течению реки Куры, в четырех городах с их предместьями“, — так начинается „Обращение Картлии“ по Шатбердскому варианту (в Челишском начальная часть вообще не сохранилась), и за- сим идет перечисление этих четырех городов.

В чтении по изданию 1890 г.:

სარკინე ქალაქი, კასპი, ურბნისი და ოძრაჲე და ციხენი მათნი: ციხლ-დიდი, სარკინისაჲ, უფლის-ციხლ, კასპისა, ურბნისისა და ოძრაჲისა.

„Город Саркине, Каспи, Урбнис-и и Одзрахе, и крепости их: Цихе-Диди, Саркинская, Уплис-цихе, Каспская, Урбнисская и Одзрахская“.

Итого, значит, 4 города и 6 крепостей.

В чтении всех позднейших публикаций:

სარკინე ქალაქი, კასპი, ურბნისი და ოძრახლ, და ციხენი მათნი: ციხლდიდი სარკინისაჲ, უფლისციხლ კასპისა, ურბნისისა და ოძრაჲისა.

„Город Саркине, Каспи, Урбнис-и и Одзрахе, и крепости их: Цихе-Диди, *крепость* Саркине; Уплис-цихе, *крепость* Каспи; *крепости* Урбнисская и Одзрахская“.

Итого, значит, уже 4 города и 4 крепости.

Вот почему в 1924 г., когда я издавал свое „Введение в историю государственных образований Юго-Кавказа“ (Саусасика I), этот самый эксцерпт мною был внесен туда (§ 20, на стр. 31) в несколько более (разумеется, только лишь стилистически) уточненной форме таким образом:

„Город Саркине, Каспи, Урбнис и Одзрахе, и крепости их: Цихе-Диди [области] Саркине, Уплис-цихе Каспии, Урбнисская и Одзрахская“.

И, несмотря на все это, в прочитанном на I Всесоюзной Конференции историков-марксистов (в начале 1929 г.) докладе на тему „Опыт применения краеведческого подхода к специальным историческим исследованиям“, Г. Я. Натадзе не только не учел специальной литературы вопроса, воспользоваться ко- торую он, как *краевед*, все-таки должен был, но и выявил за- метный регресс к тому, что было установлено за время с 1892

по 1924 г., и тот же эксцерпт привел по грузинскому изданию 1890 г.¹:

„Город Саркинэ, Каспи, Одзрахэ и крепости их — Великая крепость (Цихе Диди), крепость Саркинэ, Уплисцихе, крепость Каспи, Урбниси и Одзрахэ“.

Итого, значит, 3 города и 6 крепостей, причем пропуск упоминания Урбнис-и в списке городов я лично склоняюсь об'яснить как простой недосмотр или корректурную ошибку.

В общем, получается что-то неладное.

А вы все-таки заинтересуетесь: сколько же на самом деле городов и крепостей разумеет хроникер — 4 города и 6 крепостей, или же 4 города и 4 крепости?

Конечно, 4+4!

Да, собственно говоря, иначе и не мыслимо, ибо тот же автор разумеет 4 города и 4 крепости, но никак не больше и не меньше, и в дальнейшем изложении. Отметив неудачу, постигшую Александра при взятии Картлии, хроникер далее повествует, как тот же Александр „царь вселенной“ (მეფე ყოვლისა ქვეყნისაჲ), вновь якобы явился в Картлию и, разрушив три города и крепости (დაღეწნა სამნი ესე ქალაქნი და ციხენი), поразиł *hōnнов* (ჰონთა დასცა მახვლი)². Под этими тремя городами и крепостями он разумеет, несомненно, Уплисцихе, Урбнис-и и Одзрахе, а Саркине у него выделено в особую статью по той простой причине, что взятие его Александром удалось после, якобы, 11-месячной борьбы. В результате, цифра, которая получается и в данном случае, сводится к слагаемому из $3+1=4$, или $3+3$ и $1+1=6+2$ или $4+4$.

Упоминание же в данном эксцерпте *hōnнов*, resp. *hуннов*, чрезвычайно важно, как ключ к распознаванию термина *ბუნბურქი*, который Н. Я. Марро м раз'яснялся как „коренной турок“ || „природный турок“ (მუნღითურქი)³, на самом же деле представляет

¹ См Труды I Всесоюзной Конференции историков-марксистов, т. I, М. 1930, стр. 341 — 342.

² Е. Такайшвили, ц. с., II, 70°.

³ Н. Я. Марро: Империал. Толкование Песни песней, Спб. 1901, стр. LXII; Арабское извлечение из сирийской Хроники Марабаса, — „Зап. Вост. Отд. Русск. Арх. О-ва“, т. XIV, Спб. 1902, стр. 086, прим. 1; К истории передвижения афетических народов с юга на север Кавказа, —

собою композит, образованный из ჰუნბ¹ и თურქ, где ჰუნბ — название племени хоннов-гуннов, имевших, между прочим, базу в городе Хунан (ხუნანბი) || К'унанакерт (*Կունանակերտ*) — hНаракерт (*Հարակերտ*), по Куре, а თურქ — плод по всей вероятности, книжного заимствования из Псевдо-Александрии².

При этом характерно, что автор нигде не упоминает Картлию как страну, где Александр Македонский натворил мол делов, а, наоборот, мыслит эту последнюю вне пределов расположения Саркине — Уплисцихе — Урбнис — Одзрахе по левому или северному берегу Куры. Указав, что „при царе Александре находился царевич Арана Картлии Азо“ (თანა ჰევანდა ალექსანდრეს მევესა აზოა ძმ არან ქართლისა მეფისაჲ), хроникер далее заявляет: „Этот Азо отправился в Аран-Картлию, к отцу своему“ (ესე აზოა წარვიდა არა ქართლად მამისა თვისისა)³.

Вот почему географическая номенклатура начальной части „Обращения Картлии“ приобретает, в наших глазах, особенное значение, независимо от вопроса о пребывании Александра Македонского на Кавказе, в частности в Грузии, которое вообще считается сомнительным, а также вопроса о бун-турках, resp. хун-турках, которого я выше вскользь коснулся.

Суть дела, конечно, не в том, что автор перечисляет 4 города и столько же крепостей, а в том, как и почему их перечисляет.

„Цихедиди Саркинии“ (ციხედიდი სარკინისა) и „Уплисцихе Каспии“ (უფლის ხე კასპისა) — это поселения соответственно двух смежных фем: Саркинии и Каспии, по ущелью Куры, в районе восточного участка з. ж. д., примерно между нынешними Мцхетом и Гори. Что же касается Урбниса и Одзрахе, то они указываются без обозначения фем: точно они города не

„Известия Академии Наук“, 1916, стр. 1405; N. Marr et M. Brière, La langue géorgienne, Paris, 1931, p. 615. I. О е и ф Ки и ш и д з е, Грузинская древнелитературная хрестоматия, Пгр. 1918, стр. 43; ср. Е. Такайшвили, Источники грузинских летописей — Три хронави, СМК XXVIII (1900), стр. 2, прим. пред. стр.

¹ ჰუნბ в м. ჰუნ в груз. тексте, повидимому, описка.

² ლ. მელიქსეთ-ბეგი, ტომონიმიკური შტუდიები. ხუნანისა და ვარძიის სახელწოდებათა ეტიმოლოგიისათვის, — „მარქსისტული ენათმეცნიერებისათვის“, ტფილისი 1934, გვ. 158, შენ. 2.

³ Е. Такайшвили, ц. с., II, 709.

двух фем, а единой фемы, простиравшейся по тому же ущелью Куры, примерно от Гори и до ее верховьев.

В одном из примечаний к русскому переводу „Обращения Картлии“, где дано описание развалин Цихедиди, означающего по-грузински *большая крепость*, Е. С. Такайшвили еще в 1900 г. совершенно резонно замечал, что „остатки этой крепости в узком лесистом ущельи, выходящем в долину р. Куры с правой стороны, около селения Дзегви, как раз напротив Шиомгвие, не оправдывают этого названия“¹. Действительно, произведенные мною в 1930 году разведки убедили, что ни о какой большой крепости в прямом смысле слова там вовсе и речи не может быть и что под Цихедиди нужно разуметь имя не собственное, притом особого от Саркине порядка, а, наоборот, нарицательное—для обозначения самого Саркине, которое еще Леонтием Руисским (Мровели), автором „Жизнеописания царей“, от XI века, приурочивалось к Шиомгвимской котловине:

ადგილი ერთი მცხეთას დასავლით კრძო, კლდეთა შორის მოკუეთილი ღრმა,... და ეწოდა მას ადგილსა სარკინე².

„Место к западу от Мцхета, глубоко высеченное среди скал,... и названо было место это Саркине“.

В древней редакции Грузинских летописей, сохранившейся в армянском переводе XII века, про Саркине читаем:

*Քարայր մի յարևելից (sic) կուտ քաղաքին... [որ] կոչեցին Սարակինէ, որ ասի Երկաթահանք*³.

„Пещера к востоку (должно быть — запад¹⁹⁰ Л. М.-Б.) от города [Мцхета],... которую назвали Саракине,¹⁹⁰ то означает Железная руда“.

В „Географии Грузии“ Вахушта описание Саркине помещено под рубрикой „Описание Мухрана“: „Саркиния (саркине) расположена к западу от Мцхета“,—говорит древнегрузинский географ, и далее продолжает: „Здесь построили сильный город турки, которые в приход¹⁹⁰ Александра Македонского, просверлили

— 193

¹ Е. Такайшвили, Источники грузин. летописей, 2—3, прим. 5.

² ქართლის ცხოვრება მარიამ დედოფლის ვარიანტი, გამ. ე. თაყაიშვილისა, ტფ. 1906, გვ. 12.

³ Համառոտ պատմութիւն Վրաց, Վենետիկ 1884, էջ 17.

гору по направлению к Схалтба (სხალტბისკენ) и убежали в Кавкасию (კავკასეთად). Затем Александр [его] разорил. Здесь имеется множество пещер, высеченных в скалах, а скала эта как будто сооружена из камня на извести. Здесь [ныне] находится большой монастырь, с куполом, и в нем пещера, в которой жил святой Шио, один из 13-ти отцов¹.

В другом месте, в „Описании Дидоии“, тот же Вахушта, касаясь нравов и обычаев дидоев, заявляет: „Говорят, что когда Александр Великий взял Саркинию, они (дидои) просверлили ту гору (Саркинетскую), пришли и поселились здесь (в Дидоии), и с тех пор сохраняют тогдашние веру и порядки, как видно из их поступков и нравов“².

То же самое выражено у Вахушта и в „Описании нравов“ грузин: „Александр Македонский... очистил Грузию от таких зол, о которых ставят нас в известность бежавшие из Саркинет (в подлиннике: სარკინობით?) дидои, которые до сих пор соблюдают тот же обычай, кроме каннибализма“³.

М. Г. Джанашивили в соответствующем примечании к грузинскому и русскому изданиям „Географии“ Вахушта, отметив тот факт, что грузины называют дидоев *dido*, а Плиний (я бы, с своей стороны, прибавил: и Птолемей) *дидури*, заявляет: по грузинскому изданию — „დიდური წარმოებულა სიტყვიდამ დიდი (დიდი — დიდური) ანუ ციხე-დიდი, რომელიც მათ წინაპართ, აღბად, ეჭირათ“ (გვ. 170, შენ. 317); по русскому изданию — „дидури (დიდური) значит *происшедший из диди*, а крепость Цихе-*диди* действительно находилась в Саркинете“ (стр 130, прим. 420).

Вот тут то как-раз и выплывает сомнение о том, насколько правильно возведение этнического термина *dido* к названию крепости Цихе-*диди*, а не наоборот — название „Цихе-*диди*“ к этническому термину „дидо“, что, впрочем, требует специальных разъяснений.

¹ ბატონიშვილი ვახუშტი, საქართველოს გეოგრაფია გამ. მ. ჯანაშვილისა, ტფ. 1904, გვ. 88 = Царевич Вахушти, География Грузии, пер. М. Джанашивили, Тфл. 1904, стр. 68.

² საქ. გეოგრაფია, 169 = География Грузии, 130.

³ საქ. გეოგრაფია, 4 = География Грузии, 4.

А пока что, пользуясь случаем, укажу на попытку J. Karsta к сопоставлению термина Duda „из картвело-иверийского языкового фонда“ с ликийским Dudes, фригийским Dudun, Dudas, Doda, resp. Dodas, которые, по его мнению, являются теми эпитетами божества Луны, которым в нумидийском соответствует Dido и этимологии которых способны дать мегрельское thutha, грузинское thve, ththve, в значении „луны“, „месяца“¹.

С системой зодиака, а в до-космическую эпоху с тотемом, имеет связь и название одного из пещерных монастырищ в системе „Гареджийского многогорья“ (გარეჯის მრავალმთა) — დოდო რქისა, связываемое мною с именем Додо, одного из сподвижников якобы Давида Гареджийского, но на самом деле „козурога“ ↔ антропоморфизированного „оленья“ или „козла“².

Однако, любопытно, что ни один путешественник, оставивший нам описание Шиомгвимского монастыря, начиная с Муравьева, П. Иоселиани, М. Brosset и кончая Г. Н. Чубинашвили, не уделяет Шиомгвимским пещерам никакого внимания, если не сказать больше, что все они проявляют по отношению к этим пещерам полное равнодушие.

Только Д. Бакрадзе в 1875 г., взяв под сомнение то как до него пещер около монастыря насчитывали чуть ли не до 1000, заявляет: „Оне (пещеры) разбросаны по возвышенностям гор и ныне от времени весьма немногие из них доступны, хотя в некоторых имеются церкви с иконостасами“³.

И. Пантюхов же в 1896 г. находил нужным отметить лишь былое *стратегическое значение* пещер: „Как сам св. Шио, так и вдохновенные ученики его — говорит он — почитаются насадителями христианской религии в Грузии. Занявши часть пещер доисторического человека и укрепившись на этой, выгод-

¹ J. Karst, Origines Mediterraneae, Heidelberg, 1931, S. 473, 603—604 (ср. ზანუბის უძიარესი 1932, № 3—4, стр. 176, прим.).

² Подробности в докладе „Термины для обозначения мегалитов в грузинском“ (მეგალითების აღმნიშვნელი ტერმინები ქართულში), читанном в Груз. Ист.-Этн. О-ве 17.V.1931 и в Секции языка и истории материальной культуры Института марксизма-ленинизма при ЦК ССР Грузии 29.XI.1932.

³ Д. Бакрадзе, Кавказ в древних памятниках христианства, — „Записки О-ва любителей кавказской археологии“, I, 1875, стр. 165.

ной в стратегическом отношении позиции, монахи Шиомгвимского монастыря не только могли защищать себя от нападений врагов, но и заставить окрестное население себе повиноваться¹.

На недоступность Шиомгвимских пещер указывают, между прочим, и наличные путеводители по окрестностям Тифлиса. В 1913 г. А. Б. Евангулов писал: „Вокруг монастыря на большом расстоянии идет очень высокая скала, с множеством пещер, составлявших в древности келии монахов и отшельников; с течением времени местность разрушалась, образовались недоступные скалы и теперь мы видим лишь половинки или задки келий“². В 1920 же году Г. Мефферт писал: „Пещеры, в которых жили монахи, сохранились и до сих пор. Под самой горой уцелело их 3, из которых одна служит монастырской конюшной, а две остальные хлевом. По возвышенностям гор разбросано множество пещер, из которых большинство теперь уже недоступны“³.

Что „Саркинией“ („Саркине“ || „Саркинет“) мог называться Цихе-диди или пещерный город в котловине на месте нынешнего Шиомгвимского монастыря, положение это после соответствующей интерпретации указания Леонтия Руисского, как мне кажется, не должно вызывать никаких сомнений. Сомнение способно вызвать лишь самое название „Саркине“ (სარკინე) || „Саркиния“ (სარკინიანი), известное, между прочим, и из русских летописей, поскольку народная этимология старается вложить в него понятие „места нахождения железа“, что, однако, никак не вяжется с реальностью, ибо факт добычи железа в данном районе никак, никогда и никем не установлен.

С этим положением, очевидно, считался и П. Иоселиани, когда он подходил к разрешению вопроса о Саркинии (Саркинет) в опубликованной им в 1845 г. брошюре „Описание Шиомгвимской пустыни в Грузии“. „Пределы этого описания — читаем у Иоселиани — не позволяют мне войти в подробности

¹ И. Пантюхов, О пещерных и позднейших жилищах на Кавказе, Тфл. 1896, стр. 81.

² А. Евангулов, Маршруты экскурсий по Кавказу. Вып. I. Маршруты однодневных экскурсий, Баку 1913, стр. 26.

³ Г. Мефферт, Экскурсии по Грузии. Т. I, Тфл. 1920, стр. 103.

объяснения названия *Саркинет*, означающего или *место железных руд*, или *место поселения, подвигов Сарацин*, которых Грузинские летописи обыкновенно чествуют *Саркиносцами* (სარკინოსცამი) или *место Крепкое неприступное для врагов*¹. Однако, неуверенность того же Иоселиани в правильности предложенных этимологий приводит его, в конце концов, к тому, что он ищет выход из тупика путем идентификации *Саркинета* с *Севсаморой* или, как он называет, *Севмарой* Страбона: „Страбон и Плиний, описавшие Армаз и Мцхету, не коснулись *Саркинета*,—гозорит он, и далее продолжает: „Но есть след, сквозь тусклый свет, ведущий нас к объяснению никем доныне необъясненного названия местечка или города, о котором пишут древние Географы. Не есть ли это *Севмара*? Страбон полагает город *Севмара* по близости Мцхеты. А Мцхета была раскидана на запад и, оканчиваясь одною частью города—*Кодманом*, отделялась от *Саркинет* или предполагаемого *Севмара* Кодманскими лесами“².

Если местоположение Севмара, точнее Севсаморы, во дни П. Иоселиани не было известно и по этому поводу не только сам Иоселиани, но и М. Saint-Martin терялись в догадках, отождествляя его то с Саркинетом (Иоселиани), то с Самтавро (Saint Martin)³, то в настоящее время, при наличии опубликованной мною в 1917 г. работы „В поисках Страбоновой Севсаморы (К вопросу о древнегрузинских местообитаниях)“⁴, оно, как будто бы нащупано более или менее правильно—по ущелью Арагвы, выше Мцхета.

Как бы то ни было, „Саркине“—„Саркинет“, по П. Иоселиани, означает не то „место железных руд“, не то „место поселения, подвигов сарацин“, не то „крепкое, неприступное для врагов место“, не то то-же, что и „Севсамора“ или, как он называет, „Севмара“ Страбона. В общем всё, а конкретно ничего!

¹ П. Иоселиани, Описание Шиомгвимской пустыни, Тфл. 1845 стр. 4.

² Ibid., стр. 5.

³ М. Saint-Martin, Memoires historiques et géographiques sur l'Arménie, t. II, Paris 1819, p. 178.

⁴ Известия Кавк. Отд. Русск. Геогр. О-ва, т. XXV (1917), в. 2—3, стр. 248—259.

У нас нет, конечно, никаких оснований усомниться в правильности воспроизведения В а х у ш т о м географических названий „Саркине“ и „Саркинет“ соответственно тому, как эти последние произносились в его время, тем более, что он, В а х у ш т, не снабжает их никакими решительно фантастическими этимологиями вроде „Двалети“ от русск. „два лета“, „Самцхе“ от „самцихе“, „Иверия“ от „ии верие“ и пр.; равным образом, как у нас нет оснований усомниться в том, что Саркинетскими назывались не только горы, окаймляющие Шиомгвимскую котловину с севера, востока и юга, но и продолжение тех же гор в северо-восточном направлении вплоть до ущелья Арагвы с выходом справа к тому месту близ нын. Натахтар-Нареквави, где, по другую (левую) сторону той же Арагвы, возвышается Зедазенская гора¹.

Но В а х у ш т, безусловно, прав, когда местом нахождения железа считает не Цихедиди — Саркинию (Саркине || Саркинет), а Саркинию в Сомехии, что, по справедливости говоря, учтено и П. Иоселиани. „К западу от Чапалы—говорит В а х у ш т—находится ущелье Саркинетское (კვევი სარკინეთისა); в Саркинии (სარკინეთს) добывается руда железная и медная, а [местами] попадает и лазурь в малом количестве“². Непосредственно вслед за этим тот же В а х у ш т отмечает, что „к западу от этого места течет река П’оладаур-и (ფოლადაური), которая вытекает из Лелвара и впадает в реку Машавер“³. А П’оладаур-и, что буквально означает *Стальная*, есть не что иное, как то же самое *Բողնոփոր* армянских источников, т. е. нынешнее Болнисское ущелье, где расположен Чатахский завод. Значит ясно, *Саркинией* или *местом нахождения железа*, в прямом смысле слова, следует признать скорее Чатахский район, нежели Шиомгвимскую котловину.

Правда, „мест нахождения железа“ в Грузии могло быть, и на самом деле было, не одно, как не одна „медная руда“ (*Պղնձահանք* = „Мисхана“) или „монетная руда“, resp. „место добычи денег“ (*Փողահանք*), была и есть и в соседней Армении, в зависимости от чего, конечно, и „Саркине“ || „Саркинет“ в

¹ საქ. გეოგრაფია, 130, 142 = География Грузии, 101, 111.

² საქ. გეოგრაფია, 45 = География Грузии, 36.

³ საქ. გეოგრაფია, ib. = География Грузии, ib.

Грузии было много, однако, весьма сомнительно, чтобы Цихе диди — Саркиния когда-нибудь служила *местом добычи железа*, раз об этом ничего решительно не говорят не только древние авторы, но и тот же самый Вахушт, не упускающий вообще случая отметить в своей „Географии“ все известные в его время местонахождения руд и вообще полезных ископаемых.

Значит, ясно, что вопрос о происхождении названия „Саркине“ — „Саркинет“ должен быть раз’яснен, во всяком случае, не по линии развития металлургического дела в Грузии в древние времена¹, а той, которая может послужить общим ключем для об’яснения топонимики района Цихедиди — Саркинии вообще.

Но курьезнее всего то, что смежная с Саркинетскою гора, выходящая в ущелье Арагвы к Самтаврскому монастырю и крепости Нацхор-Бебрисцихе (Севсамора), называется „Схалтба“, в то время как ни о какой სხლო || მსხლო *груша* и ни о какой ტბა *озеро* там вообще речь быть не может.

Потому то, собственно, и возникает сомнение о том, не являются ли оба названия — и „Саркине“ || „Саркинет“, и „Схалтба“ — *осмысленными* с известной поры формами древнейших названий², имеющих в своей основе „этнические“ термины, раз известно, что топонимические термины часто (но не всегда, конечно) являются застывшими формами племенных названий. И если название „Схал-тба“ не может быть раз’яснено иначе, как из „сал-тба“, (как, впрочем, и წყალტუბო), то тем более „Саркине“ (→ „Саркинет“) должно быть возведено к „Сакене“ ↔ „Сакине“ (отсюда „Са[r]кине“), т. е. к такой форме названия, образованной при помощи греческого суффикса „ен-е“, применяемого для обозначения стран, как то мы имеем в „Голтене“, „Хордзене“, „Гогарене“, „Камбизене“ и т. п. Эта осно-

¹ Значит, наличные в литературе этимологии И. Кипшидзе (с. с. 61) и Н. Марра (La langue géorgienne, p. 671) должны отпасть.

² В этом смысле связь названий „Саркине“ и „Саркинет“ с железной рудой взято под подозрение и Н. Я. Марром (Надпись Сардура II, сына Аргиштия, в Даш-Керпи на Чалдырском озере, Пгр. 1919, стр. 6—7, прим. 3), который считает таковую, эту связь, плодом „народной этимологии“.

ва „сак“, как установлено Н. Я. Марром¹, является разновидностью в пучке: скиф (Σκυθαί), скелот (Σκόλοτοι Геродота), масагет, маскут (арм. историки), соидиец, зои, зок, зуй и пр., и налицо она в названиях областей „Сакашен“ по армянским источникам, Σακαστηνή по Страбону и Sakasani по Плинию², чему соответствует позднейшее „Шаки“ или „Шеки“ (отсюда „Шакинское“ или „Шекинское“ ханство), т. е. нынешняя Нуха, с одной стороны, и „Сисакан“, т. е. Сивния или Сюния, и „Зай-ам“ или „Сак-ам“, с другой³. Отсюда у нас все основания признать в „Сакене“ || „Сакине“, как и в „Сакасене“ || „Сакасане“ и „Сисакан“, районы обитания саков, а в Цихедиди—Саркинии, в частности, одно из средоточий „скифской культуры“.

И это положение находит косвенное подтверждение в том, что ни один район в Восточной Грузии не насыщен „скифизмами“ так, как именно район Цихедиди—Саркинии, будут ли это „скифизмы“ чистейшего типа, вроде „Сакене“ || „Сакине“, осмысленное на „Са[р]кине“ (სა[რ]კინე), „К'сан“ (ქსან) или пережиточные—„Дзег-ви“ (ძეგვი), „Са-дзег-ури“ (საძეგური), „Гр-дан“ (გრდან) || „Гл-дан“ (გლდან) ← *„Гол-дан“ || „Гол-г'ан“ и др.; — и все это по преимуществу по левому (северному) берегу Куры; или же топонимические термины, изначально быть может „скифские“, но затем переработанные иранизованною классовою общественностью „на иранский лад“, как-то: „Армаз“ (არმაზი), „Рабат“ (რამატი), „Карсан“ (კარსანი || კარსნი), „Багнит“ (ბაგნიტი), „Могут'а“ (მოგუთა), „Мартаз“ (მარტაზი) ← „Артаз“ (Արտազ) и'мн. др., и все это по правому (южному) берегу Куры.

К этой, второй, категории терминов необходимо причислить также название „Наспарсев-и“ (ნასპარსევი) в значении *бывшее поселение персов*, про которое Вахушт пишет: „К западу от устья Нареквав-и, северный склон Саркинетской горы до Канды-

¹ Н. Марр, Термин „скиф“, — „Яфетический Сборник“, I, 1923, стр. 74 — 87, 96 — 101, 111 — 128, прим. 2 на стр. 115 и прим. 3 на стр. 121.

² Ср. Σακαστηνή у Страбона, Птолемея, П. Мелы для обозначения Ширака.

³ [Ср. С. Тер-Аветисян, Памятники древности Карабаха и скифская проблема. Тифлис 1934, стр. 21 — 24].

Цихисдзир-и изобилует виноградниками, фруктами, травой и лесом... К югу от Цихисдзир-и, на той же Саркинетской горе, расположено Мткврис-цихе (крепость Куры), которое построил 79-й царь Константин, сын Баграта. На юг от этой крепости, до Куры и Наспарсев-и, находится поле, называемое Наспарсев-и: когда во время вступления турок разбиты были персы и Александр Великий перебил их, с тех пор оно и получило это название¹. Далее Вахушт отмечает ручей Шиосубнис-цкали, впадающий в Ксан выше Цихисдзир-и, а также самое Шиосубан-и, известное „большими дворцовыми постройками“².

Тут, кстати, не мешало бы вспомнить указание Плиния (VII, 50) о том, что „персы дали скифским народам общее название *Сагов* от ближайшего народа, а древние звали *Арамийцами*“.

Свидетельство же Плиния, по мнению Я. И. Соболевского, следует объяснить таким образом: „Древние Персы называли Саков, как и себя, Арийцами, в отличие от каких-то других соседних народов, имея в виду близость языка Саков к своему древне-персидскому языку“³.

Вот почему мне кажется, что такой резкий контраст, который мы наблюдаем в характере топонимики двух смежных, отделяемых друг от друга одною лишь Курюю, районов, как, с одной стороны, не считая „Наспарсев-и“, имеющего вообще сравнительно позднее происхождение,—Армаз, Рабат, Карсан, Багнит, Могут’а, Мартаз и пр. по южному берегу Куры, а с другой — Са[р]кине || Са[р]кинет’, К’сан, Дзегв-и, Садзегур-и, Глдан и др. преимущественно по северному берегу той же Куры, несомненно, должен привести к установлению положения, что быть может не всё иранское является здесь *иранским*, а наоборот, это иранское есть на самом деле *иранизованное* скифское или сакское.

Я не знаю, чем собственно руководствовался П. Иоселиани, когда он относительно имени „Шио“ писал: „Имя *Шио* одни находят между собственными именами древних Сирийцев, а дру-

¹ სპ. გეოგრაფია, 90 — 91 = География Грузии, 71.

² სპ. გეოგრაფია, ib. = География Грузии, ib.

³ А. И. Соболевский, Русско-скифские этюды, — „Известия Отд Русск. яз. и слов. Рос. Акад. Наук“, т. XXVI, Пгр. 1923, стр. 4.

гие производят от Латинского scio (ведаю, знаю), читаемого Итальянцами *Шио*¹. Но такое мнение могло быть высказано тогда, когда так называемые „сирийские“ миссионеры, бывшие в Грузии в VI веке, выдавались за сирийцев. Теперь же, после появления соответствующей монографии К. С. Кекел и д з е совершенно ясно и очевидно, что названные миссионеры были родом не сирийцами, а грузинами, и попали в Грузию не одновременно и вкупе, а разновремененно и разными партиями, притом после возведенных на них, как на монофизитов, гонений в Антиохии². При такой постановке вопроса необходимость увязки имени Шио с сирийским Onomasticon'ом, само собой разумеется, отпадает, тем более, что такого имени сирийцы не знали и не знают. В виду этого, остается предположить, не является ли это имя Шио нечто природным для наиболее насыщенного „скифизмами“ района архаичной Грузии или пра-Грузии, в данном случае „Саркинии“, где как раз и имеется название пункта, известного, по выражению Вахушта, „большими дворцовыми постройками“, — Шиосубан-и.

Во всяком случае, если и этот вопрос, требующий особого раз'яснения, понятно, не без учета „скифизмов“ (შიო—scio || шкио ↔ Σκῆφα || ашкuза клинообразных надписей), пока оставить в стороне, сам собой напрашивается вопрос об имени Арсак—Арсук, столь излюбленном в династии мцхетских азонидов, где оно повторяется по меньшей мере 3 раза: не налицо ли тут традиция, унаследованная от саков, поскольку первые Аршакиды Армении и Сирии, по словам Н. Я. Марра, выявляются как „независимо имеющие самые ранние уже родовые или этнические связи с кавказскими скифами“³; причем характерно, что один из этих Арсаков, именно Арсук, по „Обращению Картлии“, захватывает Каспи с центром в Уплисцихе, которым начинает управлять (კასპი შეიპყრა და უფლისციხე განაგო).

¹ П. Иоселиани, Описание Шиомгвимской пустыни, стр. 14, прим. ***.

² კორნელი კეკელიძე, საკითხი სირიელ მოღვაწეთა ქართლში მოსვლის შესახებ, — ტფილისის უნივერსიტეტის მოამბე, VI, 1925, გვ. 86 et pass.

³ Н. Я. Марр и Я. И. Смирнов, Вишапы, Л. 1931, стр. 53—54

А разве случайно, что крепостца-монастырище, расположенное на горе, на полдороге от Мцхета к Шиомгвие, называется „Колубан“ (კოლუბანი), осмысленное на „Калоубан“ (კალოუბანი), в то время как ни о каком „квартале гумна“ или „предместьи гумна“ здесь и речи быть не может. На самом же деле, как это самое „Колубан“ ← „Колбан“ || „Колман“, герср. „Кобан“ || „Кубан“, так и название ближайше к нему расположенного предместия-кладбища древнего Мцхета — „Кодман“ (კოდმანი) тяготеют к основе „кол“ || „ко“ (кол-х, с-кол-от): „код-ман“ ↔ „кодо-ман“ ↔ „кол-до-ман“. Сопоставление же „Кодман“ с ჯოდობა კოვჩეი, по аналогии с тем, как Н. Я. Марр сопоставляет арм. „Камахк“ (Կամախք) || „Комагене“ с Կմախք скелет¹, дает нам возможность вникнуть в суть издревле существовавшей в Грузии поговорки, отмечаемой Вахуштом при описании нравов грузин до появления на историческую арену Александра Македонского: „Когда умирал какой-либо человек (естественной смертью) или на поле брани, другие с лихвой брали его и пожирали; если же нет, сами пожирали, как говорится: «Карсанцы должны Кодманцам пять мертвецов доселе»“².

Не забудем отметить, что Кодман — это предместье древнего Мцхета по левому берегу Куры, а Карсан — это тот же древний Армаз, Ἀρμαζίκη Страбона, Harmastis Плиния и Ἀρμαζήτια Птолемея, лежащий по правому берегу той же Куры. А ведь самая то Кура или „Кур“ классических и армянских источников, по-грузински „М-т-куар“, известная в верховьях своих под названием „Кола“, знаменует собою реку по имени того „этнического слоя“, который является основателем Куар-Ковара в Армении и Куябы-Киева на Руси, т. е. колхасколота-скифа. Следовательно, в поговорке об антагонизме между кодманцами и карсанцами должна быть заложена идея, отражающая собою коллизии пришедших в районе слияния Арагвы с Курой в столкновение двух „культур“: 1) „культуры“ собственно-скифской, и 2) прошедшей в известной степени через „скифскую стадию“, т. н. „культуры“ иранской.

¹ Н. Марр, Яфетические названия деревьев и растений, — „Изв. Акад. Наук“, 1915, стр. 849—850, прим. 2; Н. Марр и Я. Смирнов, ц. с., 19—21.

² სჯ. გეოგრაფიკი, 4=География Грузии, 3.

Правда, поговорка, зафиксированная Вахуштом, в передаче существует в Грузии и в другом месте, когда применительно к Лиахве говорится: „Никозцы должны Эргнетцам пять мертвецов“¹, однако, суть дела от этого несколько не меняется. Тот факт, что Кура на самом деле была и долго оставалась границей между северными и южными государствами, таковою оставалась в эпоху т. н. „двоецарствия“ в архаичной Грузии или пра-Грузии до и после р. х. и, наконец, таковою была, в частности, между Ивериею и Армениею во II в. до н. э. (согласно Страбону), ведь остается фактом. И когда Г. Я. Натадзе оценивает это положение, он поступает, конечно, вполне правильно. Поэтому я и позволю себе процитировать его: „Вообще почти по всему побережью Куры, по крайней мере до 1-го ст., было такое положение, что народы, двигавшиеся или жившие на правом берегу Куры, затруднялись переходить на левый берег, и переход мог состояться только в виде нашествий целых племен или укрепления уже более или менее прочного государства на обоих берегах. Так, например, у Месхов, живших на правом берегу, была крепость Армаз, выдвигнутая для защиты страны, очевидно, от народов, живших на противоположном берегу, и только после переселения иберов или картов, усиливших, быть может, после долгих, подчас кровавых трений, картвельские племена, последние смогли перейти на тот берег и захватить Мцхет. С этим событием, повидимому, должно быть связано известие Леонтия Мровели об Азо, как о сыне царя Аран-кертли, после которого и начинается, по летописным преданиям, усиливаться Мцхет“².

Все приведенные соображения, кажется, достаточны для иллюстрации той мысли, что район по левому (северному) берегу Куры к западу и востоку от Мцхета, в частности по ущельям Ксана, Арагвы и Глдана, как-раз и есть пределы той древнейшей „Сакены“, название которой, осмысленное в „Сар-

¹ Еп. Кирвон, Культурная роль Иверии в истории Руси, Тфл. 1910, стр. 253, прим. 616.

² Г. Натадзе. Этюды по истории Тифлиса на основании рельефа его территории, — „Тифлис и его окрестности“, Путеводитель, Тфл. 1925, стр. 72—73.

кине“ (Саркинет), дошло до нас с локализацией к Шиомгвинской котловине.

Кстати, в Ксанском ущельи, именно в сел. Садзегур-и, найден тот, пока что уникальный на весь Юго-Кавказ, клад золотых вещей, который известен в литературе под названием „Ахалгорийского клада“ и который, по стилистическим признакам отдельных его экспонатов, как-будто обнаруживает сродство с соответствующими находками на юге России, относимыми к „скифской стадии“¹.

Однако, в указании „Обращения Картлии“ на то, что Арсук захватил Каспи и стал управлять Уплисхихе, определенно вложена та мысль, что эта Каспи была отличной от Саркине фемой, центр которой находился в Уплисхихе. Потому то и нужно полагать, что тут речь об отличном от саков племенном объединении и его центральном поселении, которое в „Обращении Картлии“ названо „Уплисхихе Каспии“ (უფლისციხე კასპისაჲ). Это — т. н. „каспы“ (касы).

После того, как мы раз'яснили эксцерпт с перечнем городов и фем в части, касающейся „Цихедиди Саркинии и Уплисхихе Каспии“, именно в том смысле, что в данном случае речь о двух смежных фемах—саков и каспов, притом эпохи предшествовавшей возникновению картской (картвельской) или грузинской феодальной государственности, невольно вспоминается, как те же самые саки и каспы и у классических писателей, в частности у Геродота (III, 93), упоминаются рядом. А ведь не кто иной, как тот же Геродот (IV, 64) сообщает, что „все Скифы у Персов называются Саками“.

Этимология названия „Урбнис“ (ურბნისი) дана Н. Я. Марром в связи с лат. *urbs—urbis город* и *orbis—orbis круг*. Считая, что название „Ольвия“, как и „Киев“ || „Куар“ || „Ковар“ || „Куяба“, относится к той категории терминов, анализ которых „по лингвистическим элементам... выявил состав из АВ“,

¹ Об этом кладе см. Я. И. Смирнов, Ахалгорийский клад. По-смертное издание. Тифлис 1934 (то-же на немецком яз.); Е. Такайшвили, Археологические экскурсии, разыскания и заметки, в. V, Тифлис 1915, стр. 139—146. Ср. Б. Фармаковский, Арханческий период в России, — „Материалы по археологии России“, № 34, Спб. 1914, стр. 15—78 (с таблицами).

следовательно, как „в конечном счете вклад кимеров или иберов“, Н. Я. Марр заявляет: „Само название «Ольвия», также композит из тех же двух элементов, что Киев, есть вклад отнюдь не эллинов, а более древних строителей, оставивших человечеству в Средиземноморье ряд городов с тем же названием то без изменения (Ὀλβία), то в закономерных перерождениях по нормам языков яфетической системы. На западе, между прочим, в разновидности Alba, так у древних яфетидов-этрусков (Alba Longa), на Кавказе все в роли также наименования городов то с той же сохранностью первого элемента (A)—Orbel, местечко на границе Лечхума со Сванией, ныне грузинской провинции, или Urbn-is (род. от Ur-ban), что столица архаичной Грузии или точнее пра-Грузии, близ Гори“¹.

Мне только непонятно, о какой столице архаичной Грузии или пра-Грузии вокруг Урбниса может быть речь, когда самое существование Урбниса, как города, как-то не вяжется с циклом Саркине-Уплисхихе-Одзрахе.

С другой стороны, при упоминании Ὀλβία, Alba Longa, ἄλβιον и ὑρββον-ο, Н. Я. Марром упущены из виду названия целого ряда городов в Средиземноморьи², а также соответствующего города в н. т. „Великой Армении“, значит в Средиземноморьи, к каковому городу древние греко-византийские и армянские источники приурочивают мученическую кончину и могилу апостола Варфоломея.

Ипполит папа Римский (II—III в.) в трактате „О 12-ти апостолах“ прямо говорит, что Варфоломей, проповедавший среди индийцев и дав им евангелие Матфея, „был распят низ головою и погребен в Алане, что в Великой Армении“ (ἔσταυρώθη κατὰ κεφαλῆς καὶ θάπτεται ἐν Ἀλλανῶ τῆς μεγάλης Ἀρμενίας)³.

В грузинской версии того же трактата Ипполита, наличной в рукописи от начала XI века, мы имеем тоже самое, только с тою разницею, что в ней районом проповеднической деятель-

¹ Н. Марр. Яфетические зори на украинском хуторе, — „Ученые Записки Института этнических и национальных культур народов Востока“, т. I, М. 1930, стр. 8.

² [С. А. Жебелев. Счастливые города (филологическая справка), — „Из истории докапиталистических формаций“, Лнгр. 1933, стр. 355—362].

³ Migne, Patrologiae cursus completus, series graeca, t. X, col. 952.

ности Варфоломея, кроме Индии, указаны Армения и **Алания** а местом погребения его „Алван“:

ბართლომე ჰინდოთა უქადაგა, რომელთაცა მათეს სახარებად
გისცა, და წარვიდა კერძოთა სომხითისა და ალანეთისაჲთა და ჯუ-
არს ეცვა თავდაქცევით და დაიფლა **ალვანოს** შინა სომხითისასა¹.

В грузинской же версии произведения Дорофея Тир-
ского (VI в.) на ту же тему, дошедшей до нас в рукописи
X в., местом погребения Варфоломея указан „Урбан“:

ბართლომე მოციქულმან ჰინდოეთს მათ მოწოდებულთა მდიდრად
უქადაგა ქრისტეს და მისცა მათ მათსს სახარებად და დაიძინა **ურ-
ბანას** ქალაქსა დიდსა სომხითისასა².

Позднейшие авторы, как напр. Софроний Иерусалим-
ский (VII в.) и Никита Пафлагонийский (IX в.), в со-
ответствующих трактатах опять-таки на ту же самую тему,
в общем, повторяют Ипполита, однако с тою разницею, что
местом погребения Варфоломея называют: первый—„Албанопо-
лис“ (Ἀλβανόπολις), а второй—„Урбанополис“ (Ὀυρβανόπολις)³.

Существа дела нисколько не может изменить то обстоя-
тельство, что тот же город „Великой“ Армении в „Истории“
(II, 34) Моисея Хоренского назван „Аребанос“ (**Արեբանოს**)
|| „Аревбенос“ (**Արեբենოს**) || „Аревсбонос“ (**Արեվსբონოს**) || „Аре-
бонос“ (**Արեբონოს**) || „Аревбанос“ (**Արեվბანოს**)⁴, а в „Истории
изображения богоматери, адресованной Сааку Арцруни“, того-
же автора,—„Урбанос“ (**Ուրբանոս**)⁵. От М. Хоренского не
особенно отстают и армянские „Четьи-Минеи“ (**Յայտմաւորք**),
где тот же город называется то „Орбанос“ (**Որբանոս**), то „Ур-
бианос“ (**Ուրբիանոս**), то „Убианос“ (**Ուբիանոս**)⁶.

¹ Рп. б. Тифл. Церковного музея № 445, стр. 316v—317г.

² Рп. б. Тифл. Церковного музея № 95, стр. 162.

³ Migne, op. cit., t. CV, col. 208.

⁴ Մովսիսի Պորենացւոյ Պատմութիւն Հայոց, հրատ. Մ. Արեղեան
և Ս. Յարութիւնեան, Տիփ. 1913, էջ 31.

⁵ Մովսիսի Պորենացւոյ Մատենադրութիւնք, Վեն. 1865, էջ 295.

⁶ Մ. վ. Արեղեան, Լիակատար վարք և վկայաբանութիւնք սրբոց,
ատ. Թ, Վեն. 1813, էջ 441; Դ. Ալիշան, Սոփերք Հայկականք, հ. ԺԹ,
Վեն. 1854, էջ 26.

Приводя указываемые в „Истории“ Хоренского обе основные формы названия, — как „Урбанос“ (*Արբանոս*), так и „Аребанос“ (*Արերանոս*), — Малахия Орманян вполне правильно отмечает, что это тот же самый „Урбанополис“, который некоторыми чужеземными (т. е. неармянскими) авторами выдается за „Албанос“ (*Ալբանոս*) или „Албанополис“ (*Ալբանոպոլիս*). Учитывая, что „Урбанос“ в латинском вполне адекватно греческому „полис“, тот же автор считает, что правильной формой названия следует признать „Албанос“ или „Албан“ (*Albanos*), которое почти совпадает с арм. *Աղբակ* (*Albacus*), где, по его словам, как-раз и сохранился монастырь имени Варфоломея (близ гор. Пачкала)¹.

„Город Убианос, который, ныне называется ААлбаком“ (*Արբանոս քաղաք, որ այժմ կոչի Հաղբակ*), — отмечен также в армянской версии Истории Михаила Сирийца (1166—1199)².

В связи с культом апостола Варфоломея, который в начальной армяно-грузино-албанской церкви пользовался широкой популярностью, определенное объяснение получает упоминание места, где „св Нина зимовала в большом затруднении“ раньше, чем она подступила бы к Джавахетским горам, под названием „Улопорет“ (*ულპორეთ*)³, как то читается в Шатбердском варианте „Обращения Картлии“, собственно, второго его отдела — Жития св. Нины, или „Улепорет“ (*ულეპორეთ*)⁴, как то читаем в Челишском варианте того же памятника. Это — тот самый пункт, который у Леонтия Руисского (Мровел-и) назван: по списку ц. Марии — „Урбнит'а“ (*ურბნითა*)⁵, а в Вахтанговской редакции — „Орбант'а“ (*ორბანთა*)⁶, в древней редакции Грузинских Летописей, сохранившейся

¹ Մ աղ ա թ ի ա ա . Է . Օր մ ա ն Է ա ն , Ա գ գ ա պ ա տ ու մ , I , Կ . Պ օ լ ի ս 1912, էջ 29, § 10. Ср. также Գ ա ռ ե գ ի ն Է ս Վ . Մ ր ի լ ա ն ձ ա Է ա ն , Հ ա մ ո Վ - Հ ո ս ո Վ , 1904, էջ 95—96.

² Փ ա մ ա ն յ ա կ ա գր ու թ յ ու ն Տ ե ա ո ն Մ ի ի ս յ յ լ ի Ս ս որ լ յ պ ա տ ը խ ա թ ը ի ն , Եր ու ս ա ղ է մ 1871, էջ 101. Ср. Chronique de Michel le Syrien, éd. par I. - B. Chabot, t. I, Paris 1899, p. 147—148.

³ Ե . Կ ա յ ա ի ջ ա Վ Վ ի լ ի , Օ թ ի ս ա ն Ե ռ ո թ ի ս Ե ղ , II , 748.

⁴ Ibid , 749.

⁵ Կ ա ռ տ լ ի ս Ե լ յ օ ճ ռ Ե ձ ա , մ ա ռ ի մ լ Ե լ Ե ճ օ ճ լ ի ս Վ ա ռ ի ա ն Ե թ ի , Գ ա մ . Ե . Թ ա լ ի ա Տ Յ ճ ի օ - լ ի ս ա , Ե ճ . 1906, Գ Յ . 67.

⁶ Կ ա ռ տ լ ի ս Ե լ յ օ ճ ռ Ե ձ ա , Գ ա մ . Ե . Ե Ռ Օ Տ Ե Տ ի , Ե Յ . Ե . 1849, Գ Յ . 71.

в армянском переводе XII в., — „Урбанис“ (*Արբանիս*) и, наконец, в позднейших списках Жития св. Нины, как, напр., Иоанно-Крестительском — „Орбнит’а“ (*Օրնիտ’ա*), и Шиомгвимском — „Урбнис“ (*Մրծնոն*)². Последнее разночтение, которое налицо в Шиомгвимском списке Жития св. Нины, в свое время вызвало возражение Е. С. Такайшвили, следующего содержания: „Приурочение этого названия к Урбнису, каковая тенденция замечается в некоторых списках [Жития св. Нины], не выдерживает критики, потому что Урбниси находится в центре Карталинии, а Улопорет, как видно, находился вне пределов Грузии, повидимому, в Армении. В Урбниси Нина прибыла гораздо позже, и этот путь описан ниже“³. Но это возражение Е. Такайшвили справедливо постольку, поскольку „Улопорет“ и „Урбнис“ два различных пункта, один в Армении, другой в Грузии, но несправедливо постольку, поскольку он под сомнение берет факт существования в Армении города „Урбаниса“, которому ничего не мешало быть окрещенным в „Урбнис“.

Однако, вполне удачное сопоставление „Албан“-а (*Albanos*) с „Албак“-ом (*Albacus*) способно привести нас к выводу, чрезвычайно более интересными последствиями, чем это можно было бы ожидать с первого взгляда: сам „Албак“ представляет собою не что иное, как вполне закономерный в кругу яфетических языков вариант более простой формы „Алба“ (*Alba Longa*), по аналогии с тем, как то мы имеем в нижеследующих случаях: „Гандзак“ (*Գանձակ*) — „Гандза“ (*գանձա*), „Агарак“ (*Ագարակ*) — „Агара“ (*օգարա*), „Капалак“ (*Կապաղակ*) || „Кабалака“ (*Sabalasa* Плинија) — „Кабала“ (*կածոლა*).

Одним словом, и в названии „Албан“ || „Алван“ ↔ „Албак“ || „Алба“, как и в „Урбан“ и „Урбнис“, мы имеем композит, сводимый к элементам „ал+бан“ || „ур+бан“.

Кстати, не мешало бы вспомнить, что то же двухэлементное название („Ал+бан“ || „Ур+бан“) встречается и вне Карталии и т. н. „Великой Армении“. Это, прежде всего, „Урван“

¹ Համառոտ պատմութիւն Վրաց, հջ 46.

² Ե. տաყանշვილი, ახალი ვარიანტი წმ. ნინოს ცხოვრებისა ანუ მეორე ნაწილი ქართლის მოქცევისა, ტფ. 1891, გვ. 16, შეგ. 1; ср. Е. Такайшвили, Источники грузинских летописей, стр. 62, прим. 2.

³ Ibid; ц. м

в Нальчикском и Пятигорском районах на С. Кавказе, „Алван“ или „Алванис Самеба“ (ალვანის სამება) на левом берегу Алазани, против знаменитого Алавердского храма, из коих последний как-раз приходится на территории древней Албании. Мало того, тот-же двухэлементный слой с наращением третьего налицо в названии величайшего в Кахии культового места — помянутого выше храма — „Алаверд-и“ (ალავერდი), очевидно, из Ал+вер+до“, где „ал“ это тот-же самый элемент, наличный как в „Албан“ || „Алван“, так и в „Алазан“, || „Алазон“, „вер“ — разновидность „бер“-а, наличный, между прочим, в ряде топонимических названий восточной и южной Грузии, как Шулавер (შულავერი), Машавер (მაშავერი), Гелавер (გელავერი), Ц'аг'вер (წაგვერი), Уравел (ურაველ) ← Уравер (ურავერი) и др., а „д“ — тот-же элемент, который с окающей огласовкой налицо в названиях: Додо (დოღო), Бодо (ბოღო), Дидо (დიღო), Г'адо (ღადო), Хандо (ხანღო), Кумурдо (კუმურღო), Т'урдо (თურღო), Иалдо (იალღო) → Икальто (იკალთო), Аразиндо (არაზინღო) и др., с акающей — в названиях: Теберда, Ц'ебельда, Кабарда, Дранда, Пицунда, Барда, Сканда и др.

Во всяком случае, что название „Урбнис“, зафиксированное в начальной части „Обращения Картли“, не является чем то случайным вроде выпавшего с неба метеорита, а имеет глубокие словообразовательные корни, может быть иллюстрировано на топонимике окрестностей Урбниса, где имеем „Али“ (ალი), „Алев“ (ალევი), „Улумбо“ (ულუმბო). Это — с одной стороны. С другой же стороны, из исторической географии Грузии хорошо известен населенный пункт, точное местоположение которого пока не удается установить, под названием „Эларбин“ (ელარბინი), как то читаем у Леонтия Руисского, или „Лырбин“ (Lyrbin), как то читаем в армянской версии Грузинских Летописей¹, каковое название М. Brosset сближал с „лп'ник“-ом, народом в Албании².

¹ Подробную литературу по этому вопросу см.: Л. М.-Б., По поводу одного из анахронизмов в грузинских летописях, — „Христ. Восток“, т. III, в. 2, 1915, стр. 200—203.

² М. Brosset, Histoire de la Géorgie, I, 92, p. 7. История Арван Моисея Каганкатваца, пер. К. Патканова, Спб. 1861, стр. 324.

На вопросе об Одзрахе мы тут не останавливаемся, ибо таковой подробно рассмотрен нами в соответствующей статье на груз. яз. „Топонимические штудии. К этимологии названий Хунаи и Вардзия“ („За марксистское языкознание“, Тифлис 1934, стр. 160 — 164), где оно, Одзрахэ, идентифицируется с Вардзией, восходящей к этническому термину „бер“ (ибер || ивер).

Теперь мне остается сделать надлежащие выводы из всего вышесказанного:

1) Для вопроса о генезисе картской (картвельской) или грузинской государственности, особенно ценны, наряду с теми или иными указаниями классических писателей об Иберии, сведения, заключающиеся в древнегрузинской хронике „Обращение Картлий“, которая в начальной своей части насыщена элементами, идущими, безусловно, из эллинского или эллинофильского, resp. грекофильского круга.

2) Упоминание в этой начальной части хроники цикла городов и областей выше Мцхета, вверх по Куре, как-то: Цихеди Саркинии, Уплисхихе Каспии, Урбниси и Одзрахе, притом именно как отдельных фем, которые позднее влились в государство картов (картелов) или грузин, т. е. Грузию в собственном смысле, чрезвычайно ценно, как ключ к распознаванию границ или рамок расселения тех или иных племенных объединений в т. н. архаичной Грузии или пра-Грузии, из каковых объединений, собственно и сложилась картская (картвельская) или грузинская народность.

3) Учитывая излюбленный в древности (да и в настоящее время) прием осмысления топонимических терминов и считая географическое название „Саркине“ в значении *места нахождения железа* за результат такового осмысления из „Сакине“, resp. „Сакене“, образованного по аналогии с „Сакаsene“ (ср. „Сисакан“) из „этнического“ термина „сак“, мы тем самым вплотную подходим к той эпохе, когда Юго-Кавказ обитаем был, в числе других племен, саками.

4) Расшифровывая указания начальной части „Обращения Картлий“ о Саркинии, Каспии, Урбниси и Одзрахе в том смысле, что это по существу фемы сакского, каспского и берского племен, мы одновременно обретаем возможность напасть на

следы соответствующих „культур“ по главной торговой магистрали на Юго-Кавказе — ущелью Куры (Кура, М-т-куар-а)

5) Одним из таких средоточий являются: для саков-скифов — „Саркине“, которое идентифицируется мною с „Цихедиди“, с локализацией к пещерному комплексу Шиомгвимского монастыря; для каспов — пещерный город „Умплицихе“; для берегов — „Одэрхе“, resp. „Одзрахе“, которые идентифицируются мною с „Хордзене“ классических писателей, с локализацией к пещерному городу „Вардзина“; причем характерно, что, за исключением разве только одного Урбниса, все это — древнейшие пещерные местообитания, расположенные по ущелью Куры и именно по ее левому (северному) берегу.

Наконец,

6) Пещерный комплекс Шиомгвимского монастыря, являющийся по существу одною из древнейших, притом непочатых пещерных стоянок на Кавказе вообще, приобретает в наших глазах, в связи со скифской проблемой, специальный интерес, в виду чего и выдвигается вопрос об организации там пробных раскопок, которые одновременно могли бы выявить наличность там как поздних, так и более древних слоев, вплоть до следов т. н. первобытного человека.

К. Д. ДОНДУА

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБОЙ ФОРМЕ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА В СВАНСКИХ ТЕРМИНАХ РОДСТВА

§ 1. В науке о языке давно утвердилось мнение, что язык — явление социального порядка, и что, следовательно, в нем должны найти свое отражение отдельные этапы жизни и развития определенного языкового коллектива. Взятое в столь общем виде это положение, может объединить языковедов самых различных школ и направлений. Однако, за этим, общим, объединяющим положением, скрываются и серьезные расхождения. Во-первых, далеко не все одинаково понимают „социальное“, „общественное“ или „развитие“ коллектива, общества¹. Во-вторых, далеко не все одинаково понимают предмет и задачи языковедения; достаточно сказать, что по вопросу о социальной сущности языка имеется лишь очень незначительное количество лингвистических работ, построенных на конкретных языковых материалах, причем эти конкретные материалы извлекаются, главным образом, из словаря, из лексики данного языка; что же касается морфологии, то в этом отношении лингвистами-социологами почти ничего не сделано².

¹ Ср. Дюркгеймовскую социологию в языкознании (F. de Saussure, Cours de linguistique générale; особенно у A. Meillet, Linguistique historique et linguistique générale) с марксистской социологией, напр., П. Лафарга (нашедшей выражение в его работах языковедного характера: „La langue française avant et après la révolution“; отчасти — „Recherches sur l'origine de l'idée du Bien et du Juste“), в наши дни — акад. Н. Я. Марра и др.

² Редкое исключение представляют акад. Н. Я. Марр, а на Западе — кардинал Шмидт (W. Schmidt, Die Sprachfamilien und Sprachenkreise der Erde, 1926; имею в виду не метод или методологию его работы, а лишь сами попытки к социологической интерпретации форм языка) и др.

Это и понятно: поле для социологического осмысления морфологических явлений далеко еще не расчищено. Между тем, теперь уже недостаточно сказать, что определенная социальная единица или определенный общественный класс имеют свой особый словарный запас, свою особую семасиологию. Говорить так и не попытаться исторически осмыслить эту лексику и семасиологию в их взаимосвязи с морфологией и синтаксисом, значит ничего не доказать, а в известных случаях это значило бы — ломиться в открытые двери: ведь, строго говоря, социальный характер словаря никем серьезно и не оспаривался.

§ 2. В настоящей заметке речь идет о морфологических особенностях в образовании множественного числа в сванских названиях родства. В ней весьма провизорно и, пока, весьма обще высказывается мысль, что в конечном итоге, в образовании множественного числа в сванских терминах родства находит свое выражение определенная форма общественной жизни сванов, именно определенная форма их семейно-родовой организации. Автор предполагает со временем уточнить это основное положение, а вместе с ним и некоторые подробности, мимоходом здесь затрагиваемые.

§ 3. Среди прочих особенностей, которые сванский язык отличают от других картвельских языков (именно: от грузинского, мегрельского и чанского), в первую очередь, обращают на себя внимание: 1) наличие в сванском инклюзивной и эксклюзивной формы множественного числа¹ и 2) особое образование множественного числа в терминах родства. Этими двумя особенностями сванский язык оказывается ближе к инотипным языкам, в частности — к некоторым языкам Северного Кавказа.

¹ О возможных следах инклюзива и эксклюзива в древне-грузинском (без учета данных сванского языка) автору приходилось высказываться еще в 1922 г. на одном из заседаний кружка по армяно-грузинской филологии (при Ленинградском Государственном Университете). Веские соображения в пользу постановки вопроса о переживаниях инклюзива и эксклюзива в древне-грузинском можно найти в работе В. Топуриа. სვანური ენა. I. 1931. გვ. 26 შტდ.

Обычно, множественное число в сванском языке, как в грузинском и мегрело-чанском, образуется при помощи ответствующих суффиксов; из них основным и общим для всех говоров является суффикс -ār (resp. -ar):

ед. ч.	ჩჳჷ	'лошадь'	мн. ч.	ჩჳჷ არ
" "	კან	'бык'	" "	კან-არ
" "	ხან	'свинья'	" "	ხან-არ
" "	ჩორქ	'копыто'	" "	ჩორქ-эл (← ჩორქ-არ)

и т. п.

В особую группу выделяются термины родства, множественное число которых, помимо обычной формы, располагает также формой префиксальной. Основным образовательным элементом в последнем случае выступает префикс la- (ლა-), resp. lä- (ლ-), причем, основа слова, снабженная этим префиксом, принимает окончание -а.

Приведем примеры:

მუ	'отец'	мн. ч.	ლა-მუ ა
დი	'мать'	" "	ლ- დი-ა
მუხტბე	'брат для брата'	" "	ლა-ხტბ-ა
ჯგჳილ	'брат для сестры'	" "	ლა-ჯგჳილ-ა
ღახტირ	'сестра для брата'	" "	ლა-ღახტ-ა
ჟდილ	'сестра для сестры'	" "	ლა-ტდილ ა
ჰასტის	'дочь'	" "	ლ-ასტის-ა
კჳმ	'муж'	" "	ლა კჳ ა
ხეხტ	'жена'	" "	ლ-ხეხტ-ა
ჩიჷჷ	'зять'	" "	ლ-ჩიჷ-ა
თელღრა	'невестка'	" "	ლ-თელღრა-ა
ნობჳ შინ	'племянник', resp. 'двоюродный брат', также 'внук'	" "	ლ-ნობჳ შინ-ა
სჳმუნ	'шурин'	" "	ლ-სჳმუნ-ა
მეყჷ რტა	'жена брата мужа'	" "	ლა-მეყჷ რტა-ა (იო лашхск. мат.)

Примечание. (მუ-) მი- в слове მუხტბე выделяется, как префикс; во множественном числе данный префикс исче-

зает бесследно. Аналогичные явления имеем в племенных названиях, например:

მე-შტან	'сван'	მნ. ჩ.	შტან შრ
მე-რუს	'русский'	" "	რუს. პლ (← რუს-შრ)
მე-სატი	'осетин',		სატი შარ и т. п.
	собственно сев.-кавк. горец (балкар, карачаевец)		

Таким образом, основа понятия — „брат для брата“ ხუბ; однако, без префикса მე — слово в обычной речи не употребительно. Соответственно прав был проф. А. Шанидзе, когда основу ხუბ он ставил под звездочку, с указанием в примечании к данному слову, что оно (т. е. слово მეხუბე) первоначально должно было означать 'собрат' (груз. მოძმე). Но мной зарегистрирован один случай, когда слово ხუბ в своем чистом виде выступает и в ед. числе, именно в выражении ხუბდა აზ (также ხუბდაია, ხუბდაია?), что приблизительно значит: 'о, братец'. Это, собственно, причитание: так оплакивает брат своего умершего брата (да и близкий родственник вообще); сравни с этим ჯსმდა აზ (употребляется во время плача брата по умершей сестре).

§ 4. Обратимся к семасиологической функции префикса ლა- (la-), resp. ლა- (la-) в сванском.

Не останавливаясь на нюансах и ограничиваясь лишь основным его значением в словах иной категории, чем термины родства, заметим, что этот префикс отличается исключительной бедностью содержания; он выражает понятия общие, родовые: в одних случаях — место вообще, предназначение, отношение, в других — объект действия, орудие действия и т. п.

Приведем примеры:

- ლა-მეუ 'солнечное' [от მეუ 'солнце'] (например, ლამეუ არგი 'солнечное место') → 'восточная сторона' → 'восток';
- ლა-რდა 'местность' буквально 'место для жизни' [от ლორდა 'жить', 'пребывать'], груз. საცხოვრებელი, საყოფი;
- ლა-ზობ 'то, чем кушают' [от ლი-ზტებ 'есть', 'кушать'], в частности 'ложка' (специальное название ложки: ყრზ, კობ);

ლა-უღმაშ-ა 'верхняя губа', буквально 'место для усов' [от უღმაშ 'усы', точнее 'ус'];

ლა-ჩაჩ 'место для бороды' [от ჩაჩ 'борода', специально 'борода, опущенная в знак траура'];

ლა-ფშკ-ა 'подлежащее развязыванию', 'сустав' [от ლი-ფშკ-ე 'развязать связанное или спутанное', 'расстегнуть'];

ლა-ვზელ-ის 'матка' (uterus) [от გეზალ 'дитя'; ср. груз. სა-ზელოსნო];

ლა-აჩ 'письмо', 'книга' [от ლი-ჩი ← ლი-აჩ ი];

ლა-კუჭმ 1) 'место молитвы', 2) 'предмет молитвы' [мегр. ხეგაჲ id., от ხეგა 'молиться'; ср. груз. სალოცავი].

§ 5. Несмотря на различие функций префикса ლა- (la-) в терминах родства—с одной стороны, и в только что указанной группе слов—с другой, он, по всем данным, является общим, одним и тем же префиксом и для первой, и для второй групп слов. В связи с этим, было высказано мнение, что в терминах родства мы имеем дело с позднейшим развитием, расширением функций префикса ლა- (la-), который первоначально должен был быть префиксом имен места и инструмента. Согласно этого мнения, ლა ხეგ ა, например, следует понимать прежде всего, как (груз.) სამმა 'место, где братья', а затем уже, как 'братья' (т. е.: 'место для братьев', 'место, где братья' → 'братья')¹. Ставя вопрос о приоритете той или иной функции префикса ლა- (la-), необходимо иметь в виду, что роль последнего, как словообразовательного элемента, значительно шире, чем роль префикса места; ლა- (la-) не только префикс места, но, вообще, префикс отношения. С другой стороны, трудно допустить, чтобы термины родства не имели своего самостоятельного оформления (именно морфологического, при наличии в языке соответствующих морфологических средств) и, чтобы множественное или коллективное число этих терминов могли возникнуть лишь позднее. Представляется более вероятным, что префикс ლა- (la-) и в первой, и во второй группе слов является одним и тем же префиксом, имеющим две самостоятельных функции. Общим для данного

¹ ა. შ ა ნ ი ძ ე, უმლაჟუტი სვანურში, არილი, 1925 წ., გვ. 204—205.

префикса в обоих этих случаях является то, что и там, и тут он—префикс отношения в широком смысле слова. То есть, например, ლახტბა в начале значит не просто 'братья' и не 'вообще братья', а 'братья, связанные между собой определенными отношениями', 'братья, принадлежащие к определенной общественно-хозяйственной организации', 'братья (говоря предположительно) одного определенного рода'. В этом смысле, множественное число в сванских терминах родства—является скорее числом собирательным, коллективным. В пользу собирательности или коллективности значения префикса ლა- (la-) говорит, разумеется, и сама сингулярная форма терминов родства (ლა-ხტბ-ა, ლა-ღურ-ა и т. п.). Морфологически нет разницы между ლახტბა 'братья' и ლარდა 'жилище'.

§ 6. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что не все термины родства образуют мн. число при помощи префикса ლა- (la-): сюда относятся не только термины, выражающие отдаленное родство, но и такие, например, как:

ბაბა 'дедушка' (мн. ბაბ ოლწრ)

მეძე 'бабушка' (мн. მეძე ოლწრ)

ღაღა " (мн. ღაღ ოლწრ)

გიგა 'тетка', 'сестра матери' (გიგ ოლწრ)

ბუბა 'дядя' (мн. ბუბ ოლწრ) [но ბიბაჲ (груз.) — ლაბძაჲ (из лашск. материалов)].

Специальное исследование сванских терминов родства поможет распутать весь тот сложный узел, который мы здесь находим. Но одно, как-будто, уже ясно, а именно: сванские термины родства в основном отражают те родственные связи, которые относятся к периоду родового строя. Остается лишь уточнить и определить конкретные формы этого строя, если их можно вообще проследить на данных родственной терминологии. Это дело будущего. В настоящее же время мы ограничимся указанием лишь наиболее характерных фактов, которые могли бы пролить свет на интересующий нас вопрос.

Прежде всего, представляет интерес слово მეხტბე, что означает не только 'брат по крови' (для брата), но и

брат по роду', вообще. Нередко მუხტბე называют соседями именно потому, что он некогда являлся (и продолжает считаться) членом общей семьи, вернее, рода. Другой не менее любопытный факт—это то, что слово პასტიმ, лашск. ასუმ (груз. ასული) значит не только 'дочь определенного отца', но—вообще 'девушка из рода'; в частности, პასტიმ называют женщину своего рода, вышедшую замуж (разумеется, за представителя чужого рода). Не лишено интереса и то явление, что в сванском языке, в отличие от мегрело-чанского и грузинского, нет специального термина для понятия 'внук': одно и то же слово, именно; ბებუბ значит и 'племянник', и 'внук'. Аналогичные случаи мы имеем и в целом ряде северо-кавказских языков (например, в дагестанских); явление это известно, между прочим, и в языках индоевропейских: nepos, англ. nephew.

Таким образом, наличие префикса ლა- (la-) в тесной группе слов, имеющих значение терминов родства, указывает на такое восприятие действительности, которое должно было соответствовать определенной форме родовой организации.

Примечание. Не лишено интереса утверждение лашца Арсеа Ониани (оспариваемое, впрочем, многими из опрошенных мною сванов), будто бы, при обычном образовании множественного числа, сванские термины родства (например, მამლარ, დედლარ и проч.) имеют чаще всего «иное» значение, именно: მამლარ значит не 'отцы' просто, а 'отцы чужие, посторонние, не наши' (пишу с его слов), დედლარ—не просто матери, а 'матери чужого рода' и т. д. А. Ониани привел несколько фраз, которые во всяком случае говорят за то, что обычная форма мн. числа в сванских терминах родства не всегда употребляется ad libitum (вообще-то говоря, суффиксальная форма мн. числа выражает множественность в тесном смысле этого слова). В этом отношении любопытны выражения: 1) ღერხის ფიშირ მამლარ ხაყა 'у другого (человека) [не один отец, а] много отцов'; 2) ჩხარა მამლარ მამ ლოქ ხაყა მიხ 'у меня, говорит, не девять отцов' (на суде); 3) бранное выражение: პატ, კოლ ისეზე მამლარს ი დედლარს! „экскременты—вашим отцам и матерям“.

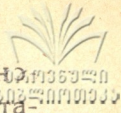
Никаких серьезных выводов отсюда еще сделать не представляется интересом, представляет самый факт подобного восприятия и толкования сваном разницы между префиксальной и суффиксальной формами мн. числа.

Можно было бы поставить вопрос относительно связи между префиксом *ლა-* и *ლ-*, наличного в инклузиве. Известно, что инклузив и эксклузив в сванском (в глаголах суб'ективного строя — во всех без исключения говорах) различаются специальными префиксами; так например:

экскл.	ხუ-აბემდ	инкл.	ლ-აბემდ	'привязываем'
"	ხუ-აჰუდიდ	"	ლ-აჰუდიდ	'даем'
"	ხუ-აშკანდიდ	"	ლ-აშკანდიდ	'куем'
"	ხუ-იყდანიდ	"	ლ-იყდანიდ	'держим'-обручаем
"	ხუ-ებიდ	"	ლე-ბიდ	'привязываемся к чему-либо'
"	ლთ-ბედ	"	ლა-ლ-ბედ	'привязали' (аорист) и т. п.

Ставя этот вопрос, мы имеем в виду возможность первоначального тождества этих двух формантов, иначе — изначально «диффузность» (*ლ-* (1-)), которая в дальнейшем могла свестись к постепенному выделению и дифференциации его функциональных возможностей. При положительном ответе на этот вопрос, у нас будет основание понимать сванские термины родства во множественном числе: *ლახუბა*, *ლაჯდილა*, *ლაბუа* и др., прежде всего, как 'наши братья' или 'братья нашего рода', 'наши отцы' или 'отцы нашего рода'. Понятно, что при более детальном обследовании соответствующих материалов, семасиологическая функция интересующего нас префикса выявится с большей четкостью и ясностью.

§ 7. При любом решении вопроса о точной семасиологической функции занимающего нас сванского префикса + суффикс в терминах родства (*ლა-* — *-ა*), все же одно ясно, именно, что такое использование этих формантов во множественном числе имеет место в семасиологически точно определенной группе слов. Говоря вообще, термины родства и в ряде других языков имеют свое особое морфологиче-

ское выражение; следовательно, сванский язык в этом отношении отнюдь не составляет исключения. Для ясности достаточно привести несколько примеров на-выдержку. Так, в индо-европейских языках уже установлена определенная группа слов, имеющая свою особую форму, именно отличную от других групп или подгрупп основу. "... Все ступени непосредственного родства в семье мужа обозначаются определенными именами; главные из них принадлежат к одному типу основ на *r¹".

Примеры:

1. Отец: скр. pater-, гр. πατήρ, лат. pater, др.-ирл. athir, гот. fadar и пр.

2. Мать: скр. mātar, др. слав. матер-, гр. δόρ. μήτηρ, лат. māter и т. д.

3. Брат: скр. bhātar-, др.-сл. братръ (и брать), гр. φράτωρ, φράτηρ, лат. frāter и пр. и т. п.²

В статье „Социальная организация гиляков“ Л. Я. Штернберг отмечает интересный факт, как „благодаря классификационной системе“ у гиляков „выработалось обыкновение употреблять множественное число для таких терминов, как отец, мать, жена по отношению к одному индивидуальному лицу“³.

Можно также отметить особенности употребления терминов родства в меланезийских языках. Говоря о первом „классе“ предметов в этих языках, Lévy-Bruhl указывает, что à la même classe appartiennent en général les noms de parenté. Le mélanésien dit mon frère, mon oncl (maternel) de la même façon qu'il dit mon oeil, mon bras; c'est-à-dire qu'il se sent faire partie de Son groupe familial de la même manière que la bras fait partie du corps, ets.⁴

¹ A. Meillet, Introduction à l'étude comparative des langues indo-européennes, Paris, 1934, p. p. 389—391. Введение в сравнит. грамм. индо-европ. языков. Перевод проф. Д. Кудрявского, стр. 355. Юрьев, 1914.

² О. с., стр. 354.

³ Л. Я. Штернберг. Семья и род у народов сев.-восточн. Азии, стр. 73. Ленинград, 1933.

⁴ L. Lévy-Bruhl. L'expression de la possession dans les langues Mélanésiennes; Mémoires de la Société de Linguistique de Paris, t. 19, fasc 2, p. 100 (За указание данного места у Леви-Брюля приношу глубокую благодарность проф. С. Л. Быховской).

თბილისის სახელმწიფო უნივერსიტეტის
ლინგვისტიკის ინსტიტუტი

В особую морфологическую группу выделяется термин родства также в языках банту (И. Л. Снегирев).

Число примеров можно было бы значительно увеличить, но мы ограничимся указанием здесь еще на тот факт (уже ранее отмеченный нами; см. нашу статью), что основные термины родства и в других картвельских языках, кроме сванского, имеют одну определенную форму (но в единственном, а не во множественном числе), именно гласную основу на а:

Брат: груз. ძმ-ა (←*ძამ-ა; ср. зват. пад. ძამო [ი. ჰეგუვაძე, „კაკო უახალი“], также ласкат. ძამ-ია); мегр. ჯიმ-ა (мн. ч. ჯიმა-ლეფი, ჯიმაჲეფი); чанск. ჯუმ-ა (мн. ч. ჯუმალეფე).

Сестра: груз. დ-ა; мегр.-чанск. დ-ა (мн. ч. დალეფი, чанск. დალეფე).

Отец: груз. მამ ა; мегр. მუმ ა (мн. მუმალეფი).

Мать: груз. დედა-ა; мегр. დიდ-ა (мн. დიდალეფი); м.-ч. ნანა-чанск. მნ. ნანაჲე).

Несомненно, при изучении сванских терминов родства с интересующей нас точки зрения, нельзя игнорировать и особой формы названий родства также в грузинском и мегрело-чанском языках.

ПО ПОВОДУ ВЫСТАВКИ КОПИЙ ФРЕСОК
АЛИ-КАПУ,
выполненных художницей Мгебришвили-Теркуловой
в Национальной Галлерее ССРГ*.

* Настоящая статья в виде доклада была прочитана проф. Ю. Н. Марром в заочном Институте Кавказоведения имени акад. Н. Я Марра, летом 1933 г. Доклад этот не был окончательно обработан автором для печати и публикуется в настоящем сборнике в том „рабочем“ виде, как он был сделан.

Редакция.

В свою поездку в Иран в 1925-26 году я имел задание ознакомиться с постановкой книжного дела. Оставшееся время я посвящал в первую очередь знакомству с живыми иранцами и языком.

Однако, памятники старины не были пропущены мной, тем более, что в связи с растущим национализмом такие памятники, как Али-Капу или Чехель Сотун интересовали известные круги Исфаханского общества.

Утверждение в заметке Ш. Амира на швили о том, что эти копии являются „первым почином в деле изучения дворцовых росписей Ирана, на что до последнего времени не обращено было должного внимания со стороны европейских специалистов по иранскому искусству“, не вполне справедливо.

Не имею возможности справиться и указать, издал ли что-либо по этому вопросу Herzfeld, как будто имевший такие намерения, но назову хотя бы одну книжку, где изданы, не знаю насколько хорошо и не знаю в каком количестве, фрески этого самого Али-Капу. Это: Daridan, Jet S. Stelling-Michaud. *La peinture sefevide d'Ispahan; le palais d'Ala Qapu. Avec préface de R. Grousset. Paris, 1931. 4°. Avec 22 planches en simi-ligravure 24 pages.*

Вышла эта книжка в начале 1931 года и тогда же цена ее у немецких букинистов была 5 марок. В каталоге Харрасовица есть примечание, что книга „*Illustriert die Fresken des Palastes*“.

Но вернемся к копиям. Выставки я, разумеется, видеть не мог, так как нахожусь в Абастумане и, когда услышал, что в Национальной Галлерее выставлены копии еще не издававшихся фресок, подумал, что это фрески Чехель

Сотуна. Увы, это оказалось пресловутое Али-Капу, почему-то привлекавшее всегда большее внимание путешественников и проезжих, чем Чехель Сотун, памятник, на мой взгляд, куда более существенный.

Вот об этих двух памятниках я и постараюсь рассказать то, что знаю.

От Сефевидских времен почти до наших дней, сохранился целый ряд памятников, из которых, если не все, то большая часть имели стенную роспись. Это Чехель Сотун, Али-Капу, Хешт Бехешт (Восемь парадизов), Нэмэксдан (Солонка), Линэ-ханэ (Зеркальный домик).

Почти все эти здания имеются (не помню точно — есть ли и роспись потолка дворца Чехель Сотун) в очень чистеньких, но не вполне соответствующих натуре зарисовках в Альбоме Flandin et Coste. Из них первый художник, второй архитектор. Зарисовки сделаны в первой половине XIX века. Альбом — большое фолио; издан, кажется, в 1851 г. Там же довольно хороший план современного Исфахана.

Затем 'Аинэ-ханэ', под турецким названием — 'Айналы эмарет' имеется в коллекции Ермакова № 1777.

Для наглядности, чтобы разобраться в расположении отдельных памятников, я набросал на память план той части Исфахана, где находятся Чехель Сотун и Али-Капу (рис. 1). В мое время в Исфахане была издана одним офицером карта города, которая продавалась в простом виде и раскрашенная, причем второй вариант был более нагляден. Я приобрел оба и, привезя, отдал один экземпляр в Аз. Музей, а другой поднес В. В. Бартольд, так что у меня сейчас карты нет.

Более точную и подробную карту готовил, как приложение к своей монографии об Исфахани, тамошний краевед Сэйед е Али Дженаб, автобиография и история рода которого весьма интересные для истории экономического развития Исфаханского района, находятся у меня. Я дал ему фотографию плана Flandin et Coste, но пока не имею сведений, вышла ли в свет эта карта.

Перечислив Сефевидские памятники, я сказал, что они сохранились „почти до наших дней“. Дело в том, что Зелле Солтан, сын Наср-од-Дин Шаха и, собственно, неограничен-

ЭМАНУЭЛЬ
ЭНЕРГЕТИКА

Угол Мечети Шаха
Масджеде Шах

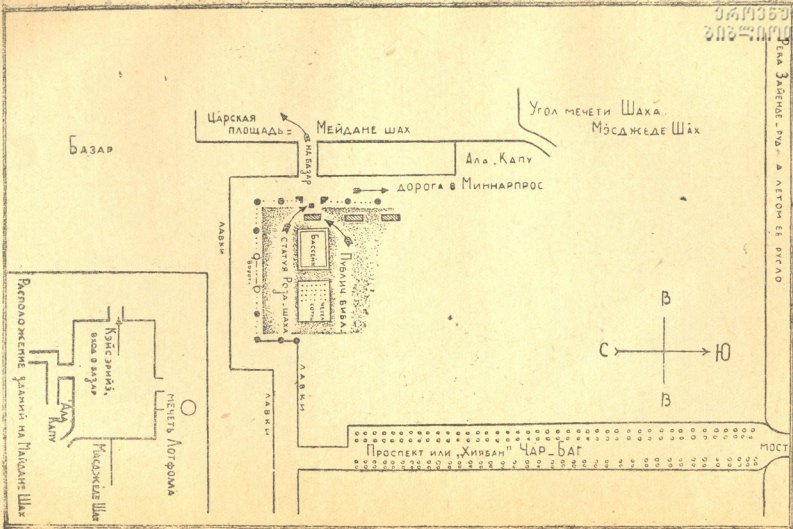

Рис. 1.

Расположение зданий на Мейдане Шах

ный властитель, сидевший в Исфахане, пытался уничтожить всякие следы Сефевидских времен, всякие следы того, что было до Каджар. Он уничтожил находившиеся за рекой (преимущественно деревянные) 'Зеркальный домик' — судя по изображению, Чехель Сотун в миниатюре — и Нэмедан, из коих один (кажется второй) находился на месте нынешней текстильной фабрики Шюнемана. Но, когда он принялся сбивать, повидимому, ударами кирок, фрески в Чехель Сотуне на камне, он осекся и распорядился заштукатурить нижний ярус, так как верхний был недоступен — слишком высок. Также заштукатурены были фрески в Али-Капу. Что касается фресок в Хэшт Бехеште, то они уже, как будто, не существуют.

В этом павильоне находился эндерун или женская половина одного из высших военных чинов Исфахана. Что там были фрески, не подлежит сомнению. Это было настолько хорошо известно, что красота изображенных там лиц вошла в поговорку*.

Если с моста в „тридцать три пролета“, с юга с прямой дороги Ширазской, вступить в город, попадаете на проспект Чар Баг — „Четыре Сада“ — тоже остаток Сефевидских украшений города. Проспект тянется около километра и усажен в четыре ряда платанами и чинарами. По середине сейчас ездят авто, коляски, по краям идут пешеходы, а по двум дорожкам между деревьев ехали верховые, которые теперь тоже едут по средней части проспекта. При Аббасе на перекрестках, которых я не изобразил, стояли большие бассейны, так что средняя полоса для движения была непригодна. По бокам Чарбага расположены за глинобитными стенами сады и дома богатых людей.

* Садек Молла Реджеб, пародист, писавший в конце XIX века на языке торговцев „Сенной площади“, в одном месте говорит:

„Среди грузинок [или грузин] Восьми парадизов подобного ему ребенка не имеет ни один ангел“.

Стих этот, однако, может пониматься и в том смысле, что и при Зелле Солгане павильон был занят эндеруном и грузинки (или грузины) здесь, в стихотворении, не фигуры росписи, а живые женщины или их дети.

Выйдя с Чарбага на поперечную, торговую ныне улицу, сворачиваете направо и доходите до садика — без газона и травы, как полагалось в Персии — где помещается Чехель Сотун. Он обнесен железной решеткой с каменными или кирпичными столпами на известных промежутках.

Расположение, количество и соотношение зданий в садике может быть и не точно, но ориентация и взаимоотношение Чехель Сотуна и бассейна соответствуют действительности. Чехель Сотун (ḫehél soṭun) буквально переводится „Сорок Колонн“, хотя колонн там 20. Объясняют разное. Одни говорят, что колонны были и с другой стороны павильона. Другие, что имеются ввиду колонны, отражающиеся в бассейне, которые можно увидеть отойдя за бассейн.

Но мне кажется, что дело проще.

Не говоря о том, что Чехель (Чель) по-персидски означает и — двадцать (например Челлейе кучэкъ „Малое сорокадневие“ — 20 самых холодных (а летом самых теплых) дней и Челлейе бозорг „Большое сорокадневие“ — 40 самых холодных (или жарких), оно значит и „много“, Чель тэн „сорок человек“ → много святых, Чель духтэр „Сорок дев“ → „много дев“, как название мест. Так и тут Чехель Сотун — „Сорок колонн“ — много колонн.

Я не могу указать на память изображение Чехель Сотуна в доступном в Тифлисе издании, но если у Ермакова нет самого Чехель Сотуна, то некоторое предположение о нем вы сможете составить по № 1777* — „Зеркальному павильону“. Ермаковская то коллекция у нас наверное есть.

Чехель Сотун — каменное здание с портиком, поддерживаемым 20-ю деревянными колоннами на каменных базах.

Перед ним большой бассейн. А за бассейном опять постройки и не такие маленькие, как заштрихованы на плане. Я взял неверные соотношения. В части, выходящей на улицу, к статуе Реза Шаха помещалась публичная библиотека, а в части, выходящей к бассейну, — комендатура.

От Чехель Сотуна мимо бассейна и комендатуры можно задними ходами пройти в задний двор Али-Капу. Но можно,

* См. рис. 2.

Рис. 2.

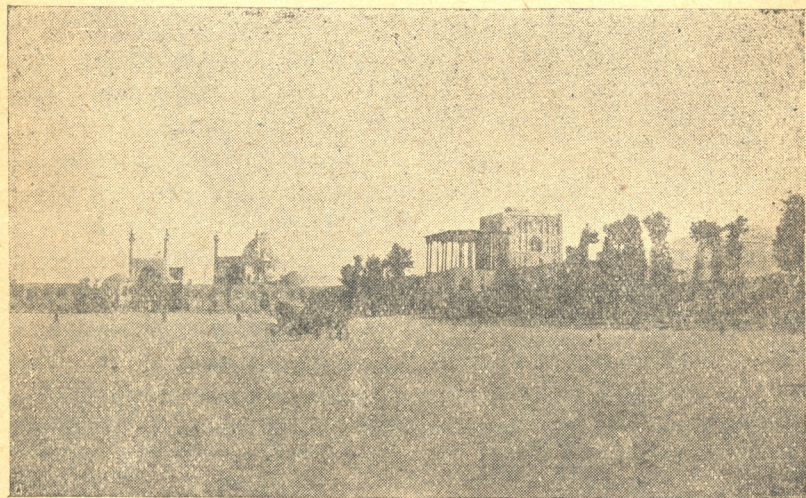

Рис. 3.

имея разрешение от военных властей, войти туда и через ворота с площади Мейдане Шах.

В Чехель Сотуне была какого-то военного учреждения канцелярия. В Али-Капу ничего не было.

Называется она либо Alí Ḥaḩi (Ḥaḩi || Ḥaḩi) 'Высокая дверь', либо Ā'la Ḥaḩi || Ḥaḩi и т. д. 'Высшая дверь', либо в просторечии Alí и Ālī Ḥaḩi без всякого значения. Ḥaḩ — слово турецкое и сочетание это что-то напоминает выражение „la Sublime Porte“ Блистательная Порта, каковая в буквальном смысле является небольшими воротами в Константинополе.

Об Али-Капу ходят басни, что там были размещены жены Шах-Аббаса, в чем сомневаюсь. Слишком уж близко к площади.

Здание это*—ряд комнат и комнатушек во много этажей и если подняться на крышу, оказываешься на высшей точке Исфакана, кроме купола Мэсджеде шах и его минаретов.

Во дворе где-то имеется колодец, в котором, по преданию, сидит Дэджджалъ или одноглазый антихрист в ожидании конца мира, когда он должен об'явиться на своем ослике.

Поверье о пребывании Дэджджала в Исфакане не только нынешнее народное поверье, но и у комментаторов Хакани, если не у него самого, встречается. К самым воротам в Али-Капу приходят на поклонение не только исфаканки, но и жительницы более удаленных мест и оставляют жертвенные тряпочки.

Военные власти в 1926 году энергично принялись снимать Каджарскую штукатурку и обнажать фрески. Я много раз поднимался на верх этого здания, но тогда оно было заштукатурено. А когда я вернулся из Шираза и уложился ехать в Тегеран и оттуда в Ленинград, чуть не накануне от'езда зашел ко мне сеййед Дженаб и попросил пойти посмотреть, что за странные там открыты письма. Мы поднялись и он показал в одной из задних комнат, в средних этажах, фигурку мужскую с раскрытой книгой в руках. В книжечке были отчетливо вписаны буквы, повидимому,

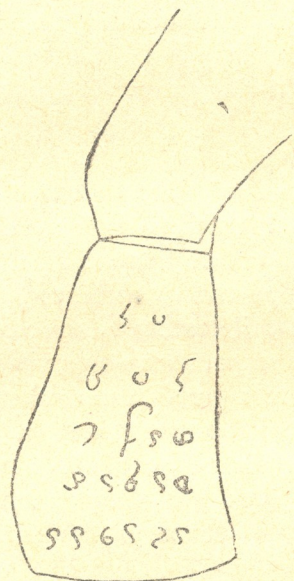
* См. рис. 3.

имитация письма. Любопытно, что в числе бесформенных букв встречались несколько раз грузинские *o* и *q*.

Запись и зарисовка находятся в одной из записных книжек, оставшихся в Ленинграде*. Поэтому пишу на память,

ფზვიზზსბსს
 სფშ ვსტ ბოაღ
 სსფს ბ რსწ

105 016

75

125 1 სსგვსს

Рис. 4.

но думаю, что в названии букв не ошибаюсь, Кроме того, я заснял с большой выдержкой этот кусок росписи. Но, по

* См. таблицу знаков (рис. 4). Ю. М. не имел при себе этих записей и зарисовок. Они были найдены в Ленинграде в 1936 г.

приезде в Тегеран выяснилось, что вся лента была **орак**
И снимка у меня нет.

Указаний на эти буквы в списке копий т. Мгебришвили не нахожу.

Но почему так неотразимо привлекало всех это сооружение? Думаю потому, что все эти „мечтающие юноши“, и „девушки“, „дамы в кресле“ или „юноши с кувшинами“ не требуют никаких справок и дополнительных сведений. Это вполне пристойные отвлеченные фигуры, которые в свое время, может быть, и являлись портретами, а сейчас обратились в удобные абстракции. Другое дело фрески в Чехель Сотун. Там одной копией не обойтись, так как прежде всего надо указать, хоть в самых общих чертах, кто же там изображен. А это не так просто. Кроме того, думаю и копию то сделать с таких махин не так легко.

Зал в Чехель Сотуне очень высокий и, возможно, что во времена Сефевидов был разделен настилом на 1-й и 2-й этажи. Внизу освобожденная от штукатурки живопись аккуратно покрыта следами ударов кирки или каменщика тесла по диагонали, но внизу, помнится, вещицы вроде тех, что в Али-Капу, бессюжетные. В простоте душевной, сияясь смыть следы каджарских зверств, военные власти пригласили опытных художников с базара, которые так „красиво“ закрасили некоторые места в испорченных фресках, что безмерно превзошли по изяществу исполнения погибшие оригиналы и не только реставрировали испорченное, но и значительно исправили и дополнили то, что было нарисовано раньше. Верхний же ярус остался недоступен не только для кирки, но и для штукатурки и он то и представляет главный интерес.

Потолок покрыт геометрическим и растительным орнаментом высокой изысканности. А по стенам имеется, если не изменяет мне память, 6 огромных фресок. (Сперва мне помнилось 10, но, посмотрев запись Софии Марр вижу, что 6).

Ни записей, ни зарисовок я не сделал. Но на память расположение павильона представляется мне как на прилагаемом рисунке. Не помню только как выходит, что чуть ли

не со всех сторон павильона имеются эйваны, т. е. сводчатые помещения с одной открытой стороной.

Когда из портика выходите в зал с фресками, то окна, дающие хорошее освещение, имеются в южной и северной стенах. А фрески сюжетные на стенах *AB* и *CD*. Стены разбиты на параллелограммы вполне симметрично. Как *AB*, так и *C*. Средний кусок № 3 на рисунке на обеих стенах большие батальные композиции. А 1 и 2 — сцены пиров и приемов (см. план на рис. 5).

Сейчас вы можете посмотреть мой диапозитив, представляющий снимок с копии *, сделанной одним из крупнейших художников Персии второй половины XIX века с № 2 или на стене *AB* или *AC*. Копия эта несколько отдаёт манерой копировавшего мастера, но все же сделана с большой точностью. Хотя оригинал производит гораздо более сильное, прямо-таки захватывающее впечатление.

Кроме изумительной портретности и реалистичной трактовки сюжета, картины поражают еще тем, что вместо ожидаемой от фресок матовости видишь как-будто большие, покрытые лаком, полотна. Батальная сцена в очень темных тонах.

Но вот еще интересная подробность. № 2 или на стене *AB* имеется на нашем диапозитиве и изображает сцену пира у одного из Сефевидов; а другая, 2-ая картина, изображает аудиенцию каких-то послов у одного из Сефевидов, и в числе послов или придворных на переднем плане, кажется, слева, сидит мужчина в красном, своим видом и одеждой напоминающий Шогу Руставели, как он изображен на портрете Зичи. Кто это? Кто-то из грузин? Сефевидский период так неизучен, такой хаос в источниках, что упускать такую картину (а долго ли продержится Чехель Сотун, и не придет ли кому-нибудь в голову реставрировать и верхний врус?) — преступление. Отчасти в таком преступлении повинен и я. Я пытался договориться с местными фотографами насчет заснятия хотя бы одной этой картины, но так как

* См. снимок. Что это копия явствует из того, что снизу видна поддерживающая полотно или картон рука.

хотели возводить леса и невозможно было выяснить сколько будет это стоить, а я был уже не при деньгах, пришлось отказаться. Думаю, что это можно сделать сейчас, если наш консул имеется в Исфахане.

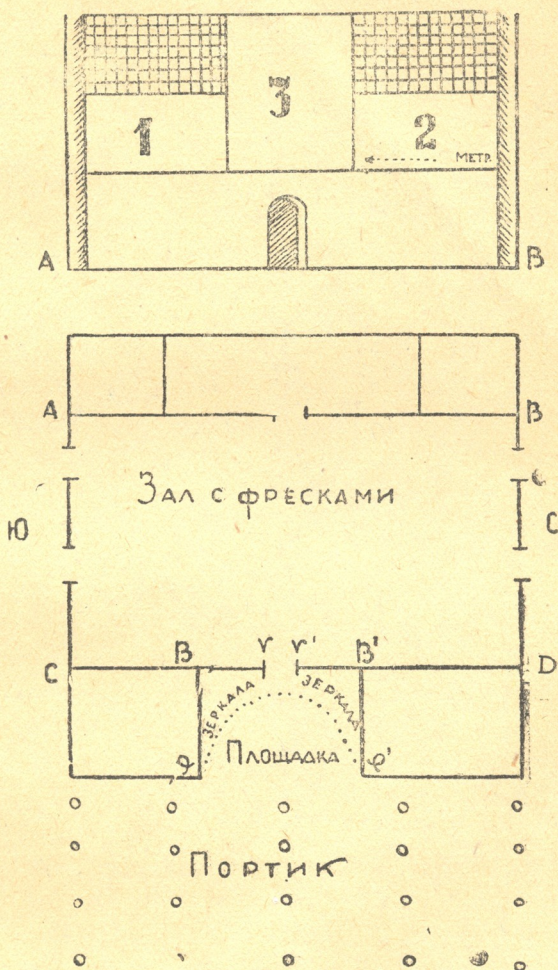
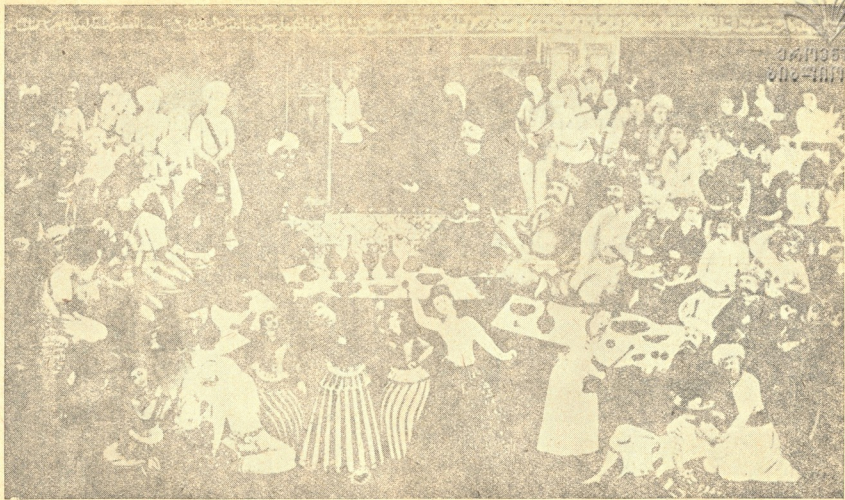
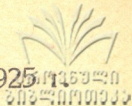

Рис. 5.

В дополнение к моему сообщению позвольте огласить из дневника С. М. Марр выписку. Запись эта была сделана в день осмотра или на следующий день, и на нее я могу более положиться, чем на свою память.

367055020
30841101033

„Чехель Сотун. Это широкое одноэтажное здание. Входим во двор, оказываемся перед широчайшей верандой, если можно так назвать это сооружение: напоминает греческий портик. Колонны — толстые четырехугольные в основании, очень высокие, суживаются по мере приближения к потолку. Сейчас они деревянные, выкрашены в красную краску, выложены покатыми полосами, во времена Шах-Аббаса, говорят, были зеркальными. Эта отделка зеркалами, говорят, существовала еще 50 лет тому назад. Посредине этой „веранды“ находился бассейн, который потом был заложен. Теперь среди каменных плит выделяется широкий мраморный (желтый) четырехугольник. Четыре колонны, окаймляющие бассейн, или место бассейна, имеют в основании львов*. Это барельефные изображения на красном полированном камне. Два туловища имеют на углу одну голову, с открытой пастью, откуда, в прежнее время, струей текла вода.

Рис. 7.

(Лев часто появляется в банях, выпуская струю изо рта, в частных водоемах, у водоносов, которые носят его почему то с собой. Кран по-персидски *шиг*, т. е. лев, все равно какой — самоварный, абамбарный, т. е. от баков воды и т. п. Ю. М.).

* См. рис. 7.

Сэрдар Азам (то самое военное лицо, большая персона эндерун коего размещен в „Восьми Парадизах“, Ю. М.), бывший с нами при осмотре, сказал, что они снимали камни и нашли бассейн, но не могли найти трубки, по которой шла вода и вообще не могли открыть секрет того, как и откуда шла вода в бассейн.

Потолок, поддерживаемый колоннами — мозаичный. Он разбит на четырехугольные плафоны, каждый определенного рисунка. Мозаика довольно мелкая. Синее с золотом, красное с золотом, звездоподобные фигуры. Особенно поражает необычный синий цвет, яркий и блестящий. Рисунок напоминает рисунки ковров.

Поднявшись на одну высокую ступеньку, мы оказываемся на широкой площадке перед дверью в залу. Эта площадка открыта только в сторону веранды; по бокам небольшие зеркальные стены из кусочков зеркала и ниши, которые содержат в себе живописные портреты каких-то дам. Одна имеет на шее крест, другая держит в руках розу; подняв голову, видишь себя, отражающейся в зеркалах, впрочем, довольно тусклых. Входим в большую залу, в которой, предполагается, Шах-Аббас устраивал свои приемы и пиры. Сейчас она совершенно пустая.

Великолепны потолок и боковые стены. Потолок сводчатый, причем свод не гладкий, а разбит на многоугольники, которые образуют различные фигуры. В двух концах два огромных плафона, как бы два громадных, довольно глубоких, блюда висят над залой; они глубоко яркого синего цвета с золотом. К ним примыкают треугольники золотые с синим. Проходят широкие полосы, в которых опять комбинируются эти цвета — синий, золотой, красный.

На боковых стенах (то-есть AC и BD на плане) по зеленому фону бархатно-вялого оттенка идет мелкий и сложный по композиции рисунок из арабесок, цветов и птиц. Это все во втором свете; низ стен заштукатурен и замазан.

Продольные стены все украшены фресками. От входа на противоположной стене направо представлен пир Шаха-Аббаса. На переднем плане танцуют женщины и играют на инструментах. Выше, на возвышении, за столом сидит Шах-

Аббас со своим гостем, каким-то царем; перед ними на ков-
рике кувшины чудесной формы с тонкими горлышками,
фрукты и огурцы. Со стороны гостя сидит его свита, со
стороны Шах-Аббаса также его свита.

Очень хороши фигуры женщин, наливающих вино в пло-
ские чаши, одна на переднем плане, другая стоит в дверях,
наклонившись вперед.

Налево в середине стены батальная картина — пленение
индийского царя, а далее (за ней) пир у шаха, где индий-
скому царю вновь даруется его царство, как нам объяснили:
сидит шах, рядом индийский царь, у которого, в знак по-
корности, ладони рук обращены вверх.

[На подобные моменты в живописи я и предполагал об-
ратить внимание, когда представил в ИК свою программу
изучения ручной речи на Кавказе. Ручная речь сохранилась
не только в быту, в тех случаях, когда условия тому благо-
приятствовали, не только в памятниках письменности, где
упоминается либо как нежелательное явление (например,
персидские средневековые руководства приличных манер),
либо как характерная для той или иной среды деталь (в ро-
манах), но и в живописи, и как мне кажется, и в изобра-
жениях на камне. Надо только уметь ее увидеть. Такие про-
стые жесты, как ладони, обращенные вверх, понятные и
современному иранцу, может быть и не представят затрудне-
ния. Но, рассматривая последнее время миниатюры, я вижу
несомненные, отчетливо изображенные, жесты, слова или
фразы ручной речи, оживляющие картину и говорящие то,
что должна сказать та или иная фигура. Но что говорящие?
Сумеет ли мы когда-нибудь раскрыть этот шифр, этот не-
понятный пока для нас язык? Сумеет, конечно, если дело
изучения исчезающих живых остатков ручной речи не бу-
дет ограничиваться одними программами и коллекциониро-
ванием жестов. Но вернемся в Чехель Сотун. Ю. М.]

Сзади — его свита. С большим мастерством разделано его
золотое парчевое платье с цветами. Композиция приближи-
тельно та же (что на пиру). На переднем плане танцовщики
и музыканты, по обеим сторонам гости, перед ними гра-

наты, кувшины и прозрачные громадные стаканы (вероятно с шербетом, а может быть с вином).

Напротив батальная картина (мне помнится, что батальная картина против батальной, а тут прием посольства. Ю. М.). Далее, против пира Шах-Аббаса еще пир, приблизительно также скомпанованный.

Из этого большого зала мы прошли в другие комнаты, стены которых были совершенно замазаны известкой, но теперь восстанавливаются. Все стены украшены живописью. По большей части 2 фигуры в лежачих или сидячих позах, или льют из сосуда в чашу напиток, или подносят чашу к губам. Многие из фресок реставрированы (как говорит Сэрдар Азам старым художником, знающим это искусство), они производят неприятное впечатление своей яркостью. Некоторые вещи в корридорах оставлены как есть. Среди них, как говорят, есть работы итальянских мастеров, которые приезжали при Шах-Аббасе. Есть несколько фигур и мужских и женских поясных портретов, и во всю фигуру, в костюмах времен Итальянского Возрождения.

На один портрет указывают определенно, как на Людовика XIV в молодости. Есть несколько фресок, как говорят, отражающих влияние Японии: женская фигура с нарциссами в руках. Бледное, тонкое лицо с косо поставленными глазами.

Есть прекрасные женские фигуры: еще одна с нарциссами в красном. Несколько фигур в европейских костюмах. Одна в тюрбане. Вероятно этот дворец был изумительно красив во времена Шаха-Аббаса и вскоре после него, весь росписанный, сверкающий зеркалами и бассейнами.

Из Чехель Сотуна мы прошли в небольшой дворец, постройка которого приписывается Теймуру в XVII веке. (Какому? Называется он, действительно, Теймуровским, но какой Теймур, хотя бы и в XVIII в.? Афганцы сидели в Исфахане, но Теймур у них был после Надира. Едва ли он. Справочников у меня нет. Обратите внимание, что по-персидски как *Veys* произносится, а не *Vis*, так и *beymur*, а не *timur*, как у европейцев. Также и *beymur-даш*, как исторический, так и нынешний, прежний *Serdare Moâzâm* министр двора, впрочем, тоже историческое лицо. Ю. М.).

Сейчас он занят под офицерское собрание, очень стенький, выкрашенный голубым, со сталактитовым потолком.

Оттуда мы прошли в разрушающееся, полуразрушенное и самое высокое здание в Исфакхани — дворец, где яко-бы жили жены Шаха-Аббаса (Али-Капу). Оно представляет собой очень высокое четырехугольное здание с плоской крышей. Оно имеет только одну узенькую винтообразную лестницу, которая замечательна тем, что на всем своем протяжении, начиная с первой площадки, она вьется вокруг одного очень толстого столба. Весь этот дворец, как говорят, был украшен изумительной мозаикой. (Может быть. Возможна и мозаика. Но ее иногда и персы и европейцы путают с изразцом. Ю. М.). Лестницы, площадки были выложены кашей. (Қаші — 'изразец'. Центром изразцового производства был г. Кашан. Ю. М.).

На стенах были фрески. Фрески все замазаны, кашей выломаны. (Я был позже, когда штукатурка была частично снята. Ю. М.). Везде валяются цветные кусочки. Весь дворец представляет собой ряд маленьких комнаток, в которых, будто бы, жили жены шаха, числом 350. Встречаются наверху крошечные комнаты, вроде келий. Самые верхние комнаты, тоже очень небольшие, представляют собой или столовые, или пиршественные помещения. Выше человеческого роста стены кругом представляют собой разнообразную резьбу. Это как бы футляры для различной посуды, которая туда вставлялась. Очень много форм кувшинов, тех же, что встречаются на фресках в Чехель Сотуне, с очень тонким горлышком.

Затем всякие другие формы — футляры, очевидно, и для флаконов и для маленьких сосудов. Дворец имеет несколько широких площадок без перил, отсюда открывается вид на весь город; сбоку великолепная мечеть с двумя воротами, двумя голубыми минаретами и громадным голубым куполом. (Мэсджед-е Шах). Напротив мечеть, купол которой кажется перламутровым, дальше опять голубое. (Мечеть Лотфолла. Есть поверье, что под мечетью — пустое место, подземелье, формой повторяющее здание над землей, но

вверх ногами). Тут же под дворцом широчайшая площадь, на которой происходили всякие торжества и устраивались зрелища: казни, парады, игра в поло (guu o fowgan) и т. п.

(Случайно, так как в тот день проходили не обычной дорогой, не натолкнулись мы на расстрел бандита, какой при большом стечении народа был произведен у подножия этой самой Али-Капу. Наша баджи, то-есть домработница, сообщила мне все подробности. Бандит был привязан к дереву, а отца его, чтобы не видел смерти сына, увели солдаты под руки во двор Али-Капу.

Традиция в использовании исконок веков привычного лобного места. Ю. М.).

В Исфахане, у немецкого предпринимателя (ткацкая фабрика) Шюнемана, как он говорил, имеется рукопись Шейха Беха оддина Амели, известного под псевдонимом Бэхаи, автора небольшого месневи „Хлеб и сласти“ (Nāno Hālvā), умершего около 1621 г. нашей эры. Он слыл за большого ученого и в рукописи Шюнемана (а, может быть, известной Шюнеману, точно не помню), как будто по-арабски, имеются расчеты мостов и арок отдельных, говорят, определенных исфаханских зданий с чертежами.

Я, сидя здесь, не могу пересмотреть каталогов и проверить, есть ли такие работы у Бэхаи или это чьи-нибудь, какого-нибудь его тезки.

Но нам не важно, уникальные это экземпляры его сочинений или сочинения какого-либо совсем другого лица, важно, что тут есть расчеты, чертежи и, следовательно, какие-то сведения от строителя, а не просто зрителя, об определенных зданиях. Будь они хоть и значительно более поздние — для нас очень интересно ознакомиться с их содержанием.

Отыскать эту рукопись в Исфахане и заказать с нее хорошую копию—дело нетрудное и не столь дорого стоящее. Но раньше, чем тратить и эти 20-30 рублей золотом, следует посмотреть литературу о Бэхаи. Если Филиал АН

этим заинтересован, я могу указать и в Тифлисе некоторую литературу, где можно найти сведения о всяких Бэха-о-Динах и Бэхайи и посмотреть, что они писали по архитектуре. В первую голову Enz d. Islam.

Затем еще по поводу дворцовой, resp. светской живописи надо посмотреть в той же Enz. d. Islam, под словом Ашраф и у кого-либо из путешественников по Мазандерану (Мельгунов, ZDMG XXI, 1867, о странах южного берега Каспийского моря, Curzon, Beresford Love H о южн. бер. Каспия, Proc. R. Geogr Soc. S, 1883 г. и т. п. *), так как в городе Ашрафе в Мазандеране, имеется какое-то строение с фресками эротического содержания. Приписывается оно Шаху-Аббасу, но не надо забывать, что в Иране Шах-Аббас — вроде Тамары в Грузии, и Александра Македонского на Ближнем Востоке, ему приписывают много построек и без всякого основания. Добыть сведения об Ашрафской росписи не мешает, так как, действительно, светскую живопись стенную мы знаем хуже, чем орнаментацию мечетей и гробниц-мавзолеев.

Что касается копий, исполненных т. Мгебришвили-Теркуловой, то, хотя видел я их только в черных репродукциях и далеко не все, однако, могу сказать, что они производят на первый взгляд такое впечатление, будто художник искусственно стилизовал, модернизировал оригинал. Но дело в том, что и самые эти фрески, помнится, производили на меня такое же странное впечатление. Я приписывал это тогда тому обстоятельству, что, несмотря на снятие штукатурки, они продолжали быть покрытыми как бы, беловатой пленкой и линии, отграничивавшие отдельные тела, утрачивали свою определенность и четкость. Но теперь, думаю, дело не в том, как смотрю на однотонные репродукции. Барса не помню. Но смутное воспоминание о такой не миниатюрной трактовке вещей у меня осталось.

Заканчивая сообщение, предлагаю сектору рассмотреть возможность и выполнимость следующих шагов.

* Библиография путешествий см. хотя бы Enz. d. Isl. Mazanderan статья Минорского.

Через Тифлиского уполномоченного НКВД, или иными путями, снести с Полпредством в Тегеране, или непосредственно с генконсулом СССР в Исфахане. Как это сделать, вам легче выяснить в Тифлисе.

Запросить его, во что обойдется фото-съемка всех фресок, сюжетных фресок, имеющихся в Чехель Сотуне.

Если у Института имеются к тому возможности, гарантировать ему ту сумму в валюте, которую мы могли бы отпустить.

При запросе спросить, как технически будет выполняться. Нужны ли будут подмости или снимки могут быть произведены с пола. В последнем случае можно ограничиться, если цена высока, заснятием отдельных картин. Хотя бы № 2 на обеих стенах и одной батальной.

Кроме того, просить генконсула для Филиала один экземпляр книги краеведа Агайе Ансари об Исфахане. Книга эта, представляющая собрание разнороднейших сведений об Исфахане, стоит 5 кран (1 руб.) и была привезена мной для Аз. Музея, где и находится один ее экземпляр.

Просить приобрести один экземпляр монографии Сеййед Али Дженаба „Эль-Есфэхан“ — Исфахан. К этому изданию предполагалось приложить карту Исфахана и его района. Я дал Сеййед Али Дженабу ряд фоторепродукций из альбома Flandin et Coste, которые привез с собой в Иран. Первые листы этой интереснейшей книги я привез с собой из командировки и, кажется, отдал В. В. Бартольду, которого эта книга очень интересовала.

Просить о приобретении плана Исфахана (непременно закрашенный экземпляр).

Все это должно обойтись сравнительно недорого. Но я настаиваю на обязательном принятии этих мер. Таким образом, мы не только получим новый материал для искусствоведов, но и необходимые сведения для историков. Ведь, если мы серьезно хотим заняться изданием архивных документов, о которых я докладывал в июне сего года, нам необходимо выяснить, что же представляли из себя Сефевиды там, в Персии. А для этого все перечисленные издания и снимки упомянутых фресок — уникальный и совершенно

еще неиспользованный материал, что для Сефевидского периода, по которому у нас крайне скудная литература, чрезвычайно существенно.*

Если в Тифлисе предполагаются командировки или поездки в Иран художников, ставить перед ними задачу — зарисовать копии указанных фресок.

Если едут сотрудники наших учреждений, просить их попробовать заснять эти фрески или их детали.

* Точнее: сведения об этом времени будут слагаться у нас из того что находим в писменных источниках и в памятниках материальной культуры, причем трудно сказать, какие из них дадут больше.

И. П. ПЕТРУШЕВСКИЙ

БЕШКЕНИДЫ—ПИШТЕГИНИДЫ, ГРУЗИНСКИЕ
МЕЛИКИ АХАРА в XII—нач. XIII вв.

Проблема политических и культурных связей Азербайджана и северо-западного Ирана с Грузией в период наибольшего расцвета Грузинского феодального царства в XII—начале XIII вв. доныне далеко недостаточно еще разработана историками. Как известно, грузинская феодальная экспансия, начиная с удачных походов Давида Возобновителя и особенно с периода царствования Тамары, захватила почти весь северный (ныне советский) Азербайджан, вплоть до Бейлакана и р. Аракса; при этом, одни области, как Ширван, превратились в вассальные владения Грузии, что и выразилось, между прочим, в принятии царями Грузии, в качестве сюзеренов Ширвана, титула ширваншаха, сохранившегося, как пережиток, на монетах позднейших царей Кахетии (до конца XVI в.) и даже Имеретии (до начала XVII в.); другие районы—оказались в сфере политического влияния Грузии (Бейлакан, например, не раз платил грузинским царям контрибуции).

Но, если непосредственные (территориальные) завоевания Грузии не заходили за р. Аракс, то длительные политические связи у нее устанавливались и с более южными областями. Для изучения проблемы грузино-иранских связей указанного периода небезынтересно одно сообщение персидского географа и историка первой половины XIV в. н. э.—Хамдаллаха Мустоуфи-л-Казвини, насколько нам известно, никем еще не использованное. В своем географическом труде „Нузхат ал-кулюб“ Казвини говорит об области П и ш к и н (ныне М и ш к и н) в Азербайджане (южном, ныне иранск.), заключавшей в себе, в его время, семь городов (в том числе Ахар и Хийяв):

«Сперва его (т. е. область Пишкин) называли Варави. Когда грузин Пишкин стал тамошним правителем (хакимом), по его [имени] область стала прозваться [так]»¹.

Казвини не датирует этого сообщения. Однако, из одного сообщения Рашид-ад-дина, мы узнаем, что область эта, в период монгольского завоевания, уже носила имя Пишкин². Сообщение Казвини подтверждается географом Якутом, который около 1212 года называет владельца Ахара ибн-Бишкин³.

Возникает вопрос: кем могли быть владельцы областей Ахара и Варави или Пишкин, лежавших к югу от Аракса, т. е. вне области территориальных завоеваний Грузии (термин 'хаким' в данном случае употреблен, несомненно, в значении наследственного владельца, подобно тому, как хакимами персидские историки именовали и сюзеренов Пишкина и Ахара — азербайджанских атабеков Ильдегизидов)⁴. Конечно, допустимо предположение, что в названии области — „Пишкин“ — могла отчасти отразиться и топонимика еще сасанидской эпохи (Balasakan — имя, прилагавшееся, правда, к более обширной области), но самое имя правителя — Пишкин — без сомнения, грузинское имя Бешкен. Широкое культурное взаимодействие между Грузией и областями северо-западного Ирана (в частности, не редки были брачные связи между грузинскими и „мусульманскими“ феодалами) сделали это имя во второй половине XII века распространенным также и в „мусульманской“, т. е. в ираноязычной и тюркоязычной среде. К. И. Чайкин в статье «Мусульманские династии, правившие в Закавказье в XII—XIII вв. —

¹ Nuzhat al-qulub, ed. by G. LeStrange, Gibb memorial series vol. XXIII, p. 82: معروف و [آن ولایت را] در اول وراوی می خواندند چون پیشکین گرجی حاکم آنجا شد کشت بد و

² В форме Бишкин.

См. Му'джам-ал-булдан изд. Вюстенфельда, т. I, стр. 409, под словом (اھر).

⁴ См. Рашид-ад-дин, изд. Н. Березина, ч. III, перс. текст, стр. 136 (Труды Вост. Отд. Росс. Археол. О-ва, XV, 1888). Мирхонд, Чингиз-ханнамэ, изд. Ecole des langues orientales vivantes, Paris, 1841 texte pers, p. 130 — об атабеке Узбеке.

16.03.59
310-1111033

Ильдегизиды»¹ обращает внимание на то, что имя четвертого атабека Азербайджана из династии Ильдегизидов абу-Бекра (1191—1210 г. н. э.) было Бишкин. Это чужеродное исламской феодальной среде имя персидский поэт Низами пытался осмыслить, как персидское „многочувствительный“²; потому же пути осмысления шел придворный поэт — панегирист Ильдегизидов, Захир-ад-дин Фарьяби, называвший своего мецената — абу-Бекра „львино-яростный государь Нусрат-ад-дин Бишкин“³.

К. И. Чайкин справедливо ищет объяснения этому имени атабека абу-Бекра „в родственных (брачных) связях его отца (Мухаммеда Джехан-Пехлевана) с грузинским царственным домом“⁴. Действительно, и сам атабек абу-Бекр был женат на грузинской царевне. Историк Тамары в „Картлис—Цховреба“ сообщает, что одного из сыновей абу-Бекра звали Бешкеном—смелым⁵. Этого-то сына атабека абу-Бекра К. И. Чайкин считает возможным отождествить (хотя и не утверждает этого с уверенностью) с ахарским владетелем ибн-Бишкином, о котором упоминает Якут.

Однако, к разрешению этого вопроса можно подойти и иным путем. Разъяснение дано, позидимому, одним местом у историка Нисави⁶, который, в качестве секретаря последнего хорезмшаха Джелаль-ад-дина, рассказывает, как очевидец, что Джелаль-ад-дин, победив и обратив в бегство

¹ В сборнике „Хакани—Незами—Руставели“, I, под ред. Ю. Н. Марра, Ленинград, 1935, изд. Ин-та кавказоведения Акад. наук СССР, стр. 36—37, прим. 3—6

² Искендер-намэ, Тегеранск. изд. 1316 года хиджры, стр. 575.

³ Тегеранск. изд. 1324 г. хиджры, стр. 334, цитир. по К. И. Чайкину, указ. ст. стр. 37.

⁴ К. И. Чайкин, *ibid.*

⁵ Béchken le brave, см. Histoire de la Géorgie, traduit du géorgien par M. Brosset, I Part., p. 443, St. Pétersbourg, 1848. Сам Броссе в прим. указывает, что, насколько ему известно, мусульманская историография не упоминает ни о каком сыне абу-Бекра („L’histoire musulmane ne mentionne que je sache, aucun fils d’Aboubekr“). *ibid.*

⁶ Nesawi, Histoire du sultan Djelal-el-din Mancoberti, publ. par Houdas, éd. de l’Ecole des langues orientales vivantes, Paris, 1891, texte arabe, p. 16 (chap. VIII), trad. franç., p. 31.

Ильдегизид атабека Узбека (1225 г. н. э.), заинтересовался судьбою одного из взятых им в плен вассалов Узбека, ахарского мелика Нусрат-ад-дина Махмуда ибн-Пиштегина, носившего в ушах два кольца. Пленник рассказал ему, что он происходит из рода „грузинских эмиров“, которых султан Алп-Арслан ибн-Давуд (т. е. Сельджукид Алп-Арслан, сын Чагры-бека Давуда, 1063—1072 гг. н. э.) взял в плен, но затем освободил и принял к себе на службу, причем велел продеть в уши каждого эмира кольца с вырезанным на них именем султана. Потомки одного из этих грузинских князей, продолжавших носить в ушах кольца в воспоминание о былом рабстве, получили во владение Ахар. По словам Нисави, тронутый рассказом пленника хорезмшах не только утвердил „подписанной им грамотой“ за ибн Пиштегином „его наследственные владения“ с городами Ахар и Варави, с их крепостями и землями, но вернул также принадлежавший ему ранее город Сарах¹, „из исконных его владений“, но отобранный атабеком Узбеком. Впрочем, ибн-Пиштегин, как говорит Нисави, из уважения к своим прежним сюзеренам—Ильдегизидам (а, может быть, и учитывая возможность восстановления их власти в Азербайджане), не воспользовался этим последним пожалованием и не пред‘явил прав на Сарах.

Этот рассказ убеждает нас в том, что упоминаемый Хамдаллахом Казвини и Якутом владетель области Варави-Ахар—вассал Ильдегизидов, был одним из потомков рода пленных грузинских князей, получивших наследственный удел в нынешнем иранском Азербайджане с обычным в ту эпоху для второстепенных владетельных феодалов титулом мелика. „Пиштегин“ же, по всей вероятности, тюркизованная форма грузинского имени Бешкен или Пишкин.

Если рассказ Нисави правилен, предки династии меликов ахарских могли быть взяты в плен Алп-Арсланом в 60-х гг. XI в. Их положение при сельджукских султанах было обычным для данной эпохи положением гулямов—первоначально рабов—телохранителей и гвардейцев, затем вольноотпущен-

¹ У Нисави سرراه—несомненно, Сарах سروا Хамдаллаха Казвини, перечисленный им в числе семи городов области Пишкин.

ников, с течением времени превратившихся в обязанных военной службой сюзерену вассалов. Как известно, образование Сельджукской феодально-кочевой державы сопровождалось процессом перераспределения земельного фонда и значительным обновлением состава феодально-землевладельческого класса в Иране и Азербайджане. В целях укрепления своей власти, первые сельджуки лишали земель и владений дикханов и других представителей старой иранской знати, заменяя их новой знатью, очень часто набранной из числа гулямов—вольнотпущенников султана, получавших земли и целые княжества в качестве военных ленов—икта'. Как позднее Сефевиды охотно пользовались администраторами из насильно переселенных в коренные персидские области грузинских феодалов, так и Сельджукам мелики из грузинских гулямов, чуждые коренному населению с.-з. Ирана и всем своим положением обязанные только султану, казались более надежнее старинных местных феодальных фамилий.

У Нисави мы находим ответ также на вопрос о том, как долго мелики Ахара сохраняли память о своем грузинском происхождении. По Нисави, в ислам обратился лишь дед Нусрат-ад-дина Махмуда ибн-Пиштегина¹ (судя по монетам, он принял при этом имя Мухаммеда); так как, по нумизматическим данным, последний мелик ахарский правил с 607 г. хиджры (1210 г. н. э.), переход его деда в ислам вряд-ли мог иметь место ранее половины XII в. Отсюда следует, что его предки (условно называем их Бешкенидами) оставались христианами в течение почти целого столетия после того, как попали в плен. Вероятно, они сохраняли при этом и другие традиции грузинской феодальной культуры; одну из таких традиций—любовь к имени Бешкен (Пишкин, Пиштегин), — вероятно, родовому, они сохранили и после того, как омусульманились. То обстоятельство, что имя „Пишкин“ стало также названием области, заставляет думать, что это было имя династии, а не одного только мелика.

Нисави не говорит о том, когда Бешкениды стали владельцами Ахара. Его рассказ заставляет лишь думать, что

¹ Ibid.

Бешкениды были меликами ахарскими по крайней мере в течение нескольких поколений. Нет ничего невероятного в предположении, что они стали владетельными феодалами в Азербайджане еще до принятия ислама, быть может, еще при Алп-Арслане. В Азербайджане, как в южном, так и в северном (Ширване и Арране), мелкие владетельные феодалы из христиан не были редким явлением. Не говоря уже об Орбелианах в Сюнике и карабагских меликах, в южном (нын. иранском) Азербайджане никто иной, как ревнитель ислама, хорезмшах Джелаль-ад-дин, по сообщению историка XV века Мирхонда, отдал города Маранд и Салмас в управление двум пленным грузинам—Шалва и Иване¹. Христианский князь (армяно-католик) в Маку был еще в нач. XV в.² К тому же, район Ахара и в более позднюю эпоху был населен в значительной мере армянами.

Бешкениды, по крайней мере последние два из них, чеканили свою монету. А. Марков приводит 23 монеты меликов ахарских, из коллекции Эрмитажа³; их можно разделить на следующие группы: а) №№ 1 — 6, монеты Пиштегина ибн-Мухаммеда от имени Ильдегизида абу-Бекра, с титулом الملك المعادل, все 594 г. хиджры (1198 н. э.); б) №№ 7—17, монеты его сына Нусрат-ад-дина Махмуда ибн-Пиштегина от имени Ильдегизида Узбека, с тем же титулом 607—622 гг. хиджры (1210 — 1225 гг. н. э.), чекан (ضرب) — Ахар; в) №№ 18 — 22, монеты того же Махмуда ибн-Пиштегина, но уже от имени нового сюзерена — хорезмшаха Джелаль-ад-дина Мангуберти с титулом ملك الامراء 6[2]3 г. х. (1226 г. н. э.); г) № 23, вариант такой же монеты. Все монеты разных матриц.

Несомненно, последнему мелику ахарскому принадлежит и монета, приведенная А. Х. Френом, как монета неизвестного вассала (clientis) Ильдегизида Узбека от имени его

¹ Mirkhond, Histoire des sultans des Kharezm, ed. de l'École des langues orientales vivantes, Paris, 1842, texte pers., p. 110.

² См. К л а в и х о. Дневник путешествия, гл. XXVIII, текст стр. 104—105, пер. стр. 158 — 160 под ред. И. И. Срезневского, СПб, 1881.

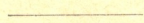
³ А. М а р к о в. Инвентарный каталог мусульманских монет Эрмитажа, стр. 433 — 434, мелики Ахара.

949059
2017-18

и халифа Насира (الناصر لدين الله) 614 г. хиджры (1217 г. место чекана не разобрано¹. Имя „вассала“ приведено Френом, как نصرت الدين محمود بن سكل بن محمد; если в неразобранном Френом слове вместо буквы ل прочесть ن (что вполне допустимо) и подставить диакритические знаки, получим чтение ويشكين — Пишкин, или ويشكين — Бишкин, а в целом знакомое нам имя — Нусрат-ад-дин Махмуд ибн-Пишкин ибн-Мухаммед.

Право чеканить свою монету показывает, что грузинская династия меликов ахарских, по крайней мере, в лице двух последних представителей ее, занимала видное место среди удельных князей (ملوك الاطراق وملوك الطوايق) Азербайджана времени Ильдегизидов.

¹ A. C. Frenii. Recensio numerum Muhammedanorum Academiae Scient. Petropolitanae, p. 618, Muszafir-ed-din Usbek, atabek Aserbeidschaniensis, vel potius ejus cliens Noszret Mahmud.

